

СМЕНА

Молодой украинский дизайнер И. Фурманов прислал нам в редакцию иллюстрацию. Сейчас работает на графической службе «Индустриального» завода. Славная талантливая личность — Фурманов, очень опытный специалист этой специальности — Фурманов.

СМЕНА

Год издания тридцать седьмой

Литературно-художественный общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

18 СЕНТЯБРЬ 1960

ЧТОБЫ ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ

Никогда еще очередная сессия Организации Объединенных Наций не привлекала к своей работе такого внимания мировой общественности, как эта сентябрьская 1960 года.

Сторонники увеличения международной напряженности, рыцари «холодной войны» пребывают в растерянности; все шло так хорошо: совещание а верхах сорвали, отношения между СССР и США осложнились, военная истерия продолжается — того и гляди, дымком потянет... И вдруг — сообщение ТАСС: «Советскую делегацию возглавит Н. С. Хрущев!»

«И снова Запад, нервный и встревоженный, с дрожью ожидает приезда Хрущева, — писала в те дни американская газета «Сент-Луис пост диспетч» — Боже, ну уж никогда не настает день, когда мир будет реагировать на инициативу Запада, а не на инициативу Советов!»

Но человечество ждет другого дня — дня прекращения гонки вооружений, дня всеобщего и нерушимого мира. Для того, чтобы такой день настал, миллионы людей доброй воли борются против черных сил реакции; для того, чтобы такой день настал, миролюбивые государства, страны социалистического лагеря и в первую очередь Советский Союз предпринимает смелые, решительные шаги, направленные на решение сложнейших проблем современности. И для того, чтобы этот день настал, Советское правительство решило назначить главой делегации СССР в ООН Никиту Сергеевича Хрущева.

Западные дипломаты снова попали в тупик. Звучат озлобленные речи, пишутся клеветнические статьи, принимаются «срочные меры», оборонительные маневры, «ответные акции»...

И опять — в который раз! — когда мы произносим слово «мир», Запад переводит его как «пропаганда». Даже президент США не удержался и, к огорчению простых американцев, заявил, что он не намерен принимать участия, как он выразился, в пропагандистском обмене резкими словами с Хрущевым в ООН.

Но народы теперь перестали верить подобным «переводчикам». Простые, ясные и разумные советские предложения доходят до сердец людей, вызывая решительную поддержку. Люди устали нести бремя «холодной войны», устали находиться в постоянном страхе за жизнь своих детей, за плоды своего мирного труда, за будущее планеты Земля.

Когда весть о том, что Н. С. Хрущев поедет в Нью-Йорк на сессию ООН, облетела мир, общественность всех стран живо откликнулась на этот миролюбивый шаг СССР. Печать разных направлений, естественно, по-разному комментировала сообщение ТАСС, но всех объединяла общая надежда: 20 сентября может стать началом мирного летосчисления, ООН должна, наконец, стать действенным инструментом мира! «Мы всецело приветствуем идею поездки глав правительств на сессию ООН, ибо их присутствие будет способствовать росту авторитета этой организации, — писала японская газета «Майниц» — Мы хотели бы, чтобы западные державы не уходили в сторону и набрались мужества направить на сессию ООН глав своих правительств».

«Эта сессия войдет в историю не только ООН, но и в историю международных отношений», — утверждала американская газета «Чикаго сан энд Таймс». А другая, «Бостон санди геральд», не без сарказма заметила: «...сообщение Москвы о том, что Хрущев едет в ООН, вызвало мурашки холода на спине Вашингтона».

Чего же боятся в Вашингтоне?

Прежде всего советских предложений по разоружению. Ведь лидеры Запада становятся все труднее и труднее отказываться от предложений СССР, настолько они каждый раз конкретны и разумны. Госдепартамент США озлобено только одним вопросом: где взять аргументы?

Берлинская газета «Нейес Дейчланд» представляет себе эту ситуацию в виде такого диалога:

«Советский Союз: Я предлагаю запретить все атомное оружие».

Западные дипломаты: Это будет выгодно вам: ведь у вас больше солдат... Советский Союз: Мы сокращаем количество наших солдат...

Западные дипломаты: Да, но у вас есть такая мощная ракета!

Советский Союз: Мы готовы выбросить все ракеты в океан.

Западные дипломаты: Да-а... Но что же тогда будет с баллистическими ракетами!?

И правда, что могут предложить США? Как они будут себе вести? С надеждой спрашивали об этом американские журналисты у своего президента на недавней пресс-конференции в Белом доме. «Как и прежде», — ответил Эйзенхауэр.

Но народы зленого шара не хотят, как и прежде, нести на себе бремя гонки вооружений. Люди жаждут мира, люди с надеждой смотрят на сентябрьскую сессию ООН.

Откройте стр. 20 и вы узнаете, как проводит свой досуг молодежь одной из ударных комсомольских строен.

О чем рассказывают лаконичные записки в корреспондентском блокноте?

Читайте на стр. 2.

НА ЭТОМ СНИМ-КЕ — ОЛИМПИЙСКАЯ ЧЕМПИОНКА Э. ОЗОЛИНА. ДРУГИХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ XVII ИГР В РИМЕ ВЫ УВИДИТЕ на стр. 14.

ЧТО ПОРОДИЛО ПАУЗЕРС?

стр. 8.

Отвюны ли мы

в Космосе?

Смотрите стр. 24.

В ЭТОМ НОМЕРЕ ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЕТСЯ РАССКАЗ

В. А. ГИЛЯРОВСКОГО

ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДБЕ НИЩЕГО МАЛЬЧИКА КАСЬЯНА ИВАНОВА

(стр. 28).

Почему нас волнуют полотна великих художников прошлого? В чем секрет их воздействия на зрителя?.. Статья о творчестве Андрея Рублева —

на стр. 26.

О НОВАТЭКЕ

Большая земля... Оборудование самолетов и космических кораблей, искусственные ткани и меха, обувь и посуда, мебель, автомобили и дома из пластических масс — все это большая земля, которая властно вторгается в нашу повседневную жизнь.

Короткие записи, сделанные в

моем корреспондентском блокноте, воскрешают в памяти встречи с молодыми нефтяниками Татарии, истовскими и сталингорскими химиками. Перебирая странички блокнота, я думаю о молодежи, делающей большую землю, о тех, кто прокладывает путь в будущее...

ОДНАЖДЫ В СТЕПИ

1. *Миробудуи терпеливой тае-
ревелины. Саванна отключи-
лась... Встретил Агларов висит
над сорбидеиной бездной...
Геодизики крошечней вавилон
Восток погрозилась...*

Помнится, запись эта была сделана на площадке буровой скважины под навесом, гудящим от сплошного потока дождя, который лил почти сутки. Степь вокруг пустыня, подернута сероватой дымок.

По геологическому проекту центр новой буровой скважины должен быть на шоссе. Естественно, нецелесообразно было перегораживать вышкой магистральную дорогу. Поэтому решили вести бурение наклонным способом. Но изначальной стадии буровых работ было допущено отклонение. Турбобуры потеряли заданное направление. Надо было срочно вынорить скважину. Главным инженером конторы бурения Виктор Прокофьевич Иванов то и дело спрашивал по телефону у мастеров:

— Геофизики пробьют?
— Нет еще. Дождь... Дороги так развело, что и трактор не скоро доберется, и отвечать мастер Анатолий Крушикин. Неожиданно в тавоферной трубе послышалось шипение, поток свист, гудит. Крушикин усневно дул в трубку. — Этого еще не хватало! — сердито буркнул мастер и, сильно хлопнув дверью, побежал к буровой площадке.

...Вахта отлично понимает мастера. Стоящий напротив помощник буровщика Алексей Курочкин ловким движением стягивает лопасти машинного ключа. Натягиваются стальные тросы и катушка лебедки наглухо крепит ключ. Висячие на тресе бурильные трубы одна за другой опускаются в скважину. Алексей увидел исчезающую под ротором стальную глыбу, но на смену ей верховой Азгар Агларов, стоявший на самой вершине буровой, готовил уже новую трубу. Азгар крепко привалился монтажным поясом за маркисную переключацию и под сильным, хлестким ветром работал почти на весу. Лишь коленями опирался на перила маленькой площадки. Захватывало дыхание, но подать знак товарищам, работающим внизу, он не решился. Азгару как-то вечноюсть эти минуты: он силно устал. Неужели не дотнет? Неужели даст товарищам знак прекратить спуск труб? И вот, когда, казалось, Агларов был уже не в силах удержать на тресе трубы, он услышал спокойной речью бригадира. Крушикин быстро перехватил рукой трос и громко сказал:

— Быстро иди в вагончик отды-

хать, подцепи мне монтажный пояс. Ну, что, стоишь? Выполняй приказ!

— Есть, выполняю!

Обидно было Азгару оставлять буровую в самый ответственный момент, но приказ есть приказ. Агларов служил в армии...

Он вошел в вагончик и только тут, в тепле, понял, как силно он продор на дожде и ветру. Он выпил кружку горячей воды и сел спиной к батарее, чтобы просушить телогрейку.

На буровой продолжался спуск труб. Сменивший Агларова мастер работал быстро, он задавал темп всей вахте...

Когда Анатолий Крушикин приехал после окончания Ленинградского горного института на буровую, ему предложили должность инженера, но он категорически отказался.

— Долженствей мне не надо: на буровую зону! Все специальности пройду — нану с подсобного рабочего...

В тот дождливый, серый день я смог побеседовать с мастером Александром Дворжиным. Только после того, как завершился спуск труб и началось бурение. Возбуж-

денный Анатолий збегал в вагончик буровой: гоня агризающихся в породу дождя всегда его раздравал.

— Не приходилось бы нам по пять-шесть раз в смену дождю менять, давно бы это отклонение ликвидировали... Обидно! — горько рассказывал Крушикин. — Отчего обидно? — спросил я. — Инженеры наши создали буровую в мире турбобур — предложил бригадир, — нефтяники все стран мечтают об этом чуде. Но что получается: на поликопленнейший турбобур навиваются дождю, не соответствующие породам, которые нам приходится бурить. Нуешь, ох, как нужны бурильники долота, которыми можно было бы непрерывно бурить хотя бы одну смену! Ведь это тысячек метров дополнительной проходки скважины!

Я еще не успел уехать, когда на буровую приехали геофизики, которых так долго ждали. Они изменили путь продвижения долота глубоко под землей. Отклонение было ликвидировано!

— Так держати! — улыбался, сказал старший геофизик и крепко пожал руку бригадира Крушикина.

ДАЕШЬ ТЭЦ!

2. *Лозунги пишущий мелом...
Сороб мандаринов и один
шахтер... Напарник инструктора
целил, бежал и шорозу...*

Что за этими лаконичными записями! Мне не забыть встречу с мастером монтажного участка Александром Дворжиным... Со своими друзьями он вел монтаж котлов строящейся в Костов Ново-Горьковской ТЭЦ. Мы стояли на вершине огромного котла, выглядывавшего авась сорины стальными лесами. Я поднял голову и удивился примудливому переплетению множества труб, похожих чем-то на кружевной узор. На потемневшей стене котла мелом крупными, размахистыми буквами было написано: «Давеш ТЭЦ!» А чуть повыше эта же рука вывела: «Монтажники! Ты солдат семилетки — вперед, к победе!» Буквы четко выделались на темном фоне.

— Это все Виктор Петрович Кузьмин расписал! Для хороших лозунгов красного материала не достали. Вот и приходится мелом стены марать, — с сожалением сказал мастер.

— Сколько вам лет, товарищ Дворжикин! — спросил я.

— Двадцать два...
А силно работал на нашем монтажном участке!

— Бригад три, а рабочих сорок. Ребята, — глаза Дворжишина заблестели, — ребята у нас настоящие, умеют трудиться! Одно слово, монтажники!

Над нашей головой послышалось чей-то громкий возглас:

— Товарищ мастер!

Мы с Дворжиным подняли головы. На три яруса выше, обмотанный на стальную лестничную переключацию, стоял высокий худощавый человек в брезентовой спецовке. Он говорил громко:

— Узы переключенные проверены, все в порядке!
— Молодцы! Виктор Петрович, спускайтесь сюда! — распорядился мастер.

Минут через пять Дворжикин позвонил меня с бригадиром

БУДУЩЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

3. *Учусь и ученица... Бог Маркин - Девушка... Уех или не уехи?.. Маша Провидица мечтает о мамини и искусственной Карапузи...*

комсомольской бригады слесарей-ремонтников Кузьминым. Мы присели на двух сдвинутых ящиках и задыхались папиросами. Лицо Виктора Петровича — морщинистое, немного утомленное, с бронзовым загаром. На вид можно было бы думать, что он совсем не улыбался преобразала его.

Бригадир Кузьмин старше мастера двенадцать лет, однако эти различия в возрасте не мешают им дружить. Хотя и назначил Сашу Дворянишину, дипломированного техника, мастером участка, но он нет-нет да и приедет к Кузьмину советовать. «А как же иначе: ведь у Виктора Петровича опыта побольше: монтажник он умелый и организатор хорошей! Самые трудные задания мастер давал бригаде Кузьмина».

Была зима. Треснул февральский мороз, из-за Волги дунли сильные, пронизывающие ветры. Монтаж велся на открытом воздухе. Белым инеем искрились обжигающие холодами стальные балки. Ветер швырял тресы, которыми были обязаны рабочим в эти времена монтажника. Скоро из трещины пришла телефонограмма: «Пристановить на время морозов и ватросов работу».

Александр Дворянин стоял возле маленького оконца станции контроля. За стеной завывал ветер, снег большими комьями бил в стекло. Как победить ветер, снег, мороз? Ведь нельзя терять время!

В маленьком контроле собралась бригада. Было тесно, холодно. Дворянин оценивающе оглядел монтажников: знают ли они, зачем их пригласили? Сопоставил ли ребята опыт вместе с бригадиром и мастером на это трудное дело? Дворянин встал из-за стола, придвинулся ближе к монтажникам и негромко сказал:

— Мы с Виктором Петровичем решили выложить на работу. Запасные тресы приготовлены, инструмент подвезен к основанию котла. Кто хочет, товарищи, по доброй воле, по желанию своему идти с нами... пойдете!

Дворянин, а за ним Кузьмин вышли на улицу. Холодный ветер со свистом набросился на них. Мастер и бригадир пригнулись, медленно шагая через сугробы. За ними шла бригада. Впереди Толя Галочкин, следом Вана Левина, Коля Цыкунов, Жена Бабахан и другие ребята. В контроле не осталось никого...

Так работала бригада Кузьмина в морозную зиму. С опорением в бригаду идет она и сейчас вместе с другими бригадами участка мастера Дворянишина. Монтаж котла близится к концу. Ново-Горьковский тепловыделительный завод пущена на полную мощность досрочно!

Перечитывая эти записки, мне напоминается восточный клен в самом тихом уголке сталингорского парка. Ровная аллея, петляющая в глубине цветов, освещенная цепочкой матовых фонарей. Их свет таял в пыльной зелени, и потому весь парк казался погруженным в полумрак.

Ваня Малахов смотрел на задумчивое лицо Машы и улыбался. Никогда он так не чувствовал красоту вечернего парка, как сегодня. Это оттого, что рядом Маша. Ваня сказал девушке, что хочет дружить с ней: будет помогать во всем, никому в обиду не даст, сделает из нее хорошего каменичника, научит ее так быстро кирпич класть, что за ней не угонятся даже самые опытные каменичники! Она в ответ только улыбнулась. А что тут смешного? Вроде в восемнадцать лет пора бы и серьезные статьи! Конечно, он старше ее на целых два года, и ему не пристало обижаться на легкомысленный смех. Но объяснить ей все же надо, может, и поймет.

— Разобраться на стройке по работе — значит! Теперь про ФЗО кончил — аттестат имею: кемпицик тебя разрядом! Могу задать в училище! — говорил Ваня Малахов, стараясь придать голосу суворость и строгость.

В ответ Маша снова улыбнулась, подняла на него несмелые глаза:

— Тебе в армию осеаню, как же ты научишь-то услужать? — Три желании успеть можно! — строго ответил Малахов и, чуть помолчав, продолжал: — А знаешь, Маша, здорово будет! Я в армию уйду, а ты меня заманишь, цех искусственной шерсти строишь. Отпусти я свой сор, вернусь на комбинат, и узнаю тебя невозможно: разошедшись ты во все синтетическое — в кирпич, шпала, искусственный карнакул. Ты что смеешься! Первую партию продукции — тем, кто цех строит. А то как же иначе! Так обязательно будет...

— Ну и выдумщик же ты, Ваня! — громко рассмеялась Маша, а потом неожиданно добавила

серьезно: — Буду я каменищиком. Только смотри, учи как следует...

Так у каменищика Ивана Малахова появилась старательная ученица. Их успехам, кавеничка, очень радуется Егор Васильевич Маркин — старый потомственный строитель. Нет, пожалуй, на Сталингорском химическом комбинате построено без его участия. Начинал Егор Васильевич свою трудовую жизнь землекопом. Он заключивший придать лет назад первому цеху. Сколько полет земли перебрал под его руками!

— Помню, только вырыли мы фундамент, вызванот меня в комсомольскую ячейку... Учусь! — говорит заводской лаборант, время пришло стены класть...

Маркин вздыхает и говорит, что воспоминания о прошлом всякий раз вызывают в нем грусть. Это, наверно, оттого, что никогда не вернется молодость. Кажется, еще совсем недавно Егор Белал на комсомольском собрании, а теперь он уже дедушкой стал. Его дочь Анна — лаборант централизованной заводской лаборатории — родила недавно сына. Выук хороший, прямо орен — чуть ли не полудва года родился!

Егор Васильевич Маркин работает начальником участка, который ведет кладку цеха искусственной шерсти. Мы шагнем вдоль вытянувшегося здания в строительные леса.

— Цех будет очень красивым. Не чех, прямо театр, только без колонн! А рабочие в этом цехе будут раз-два — и обещая: ассамблея заменят людей! — рассказывал Маркин.

Поднимаясь по лесам. Стрела высотногоного башенного крана легко переносит большие контейнеры, наполненные кирпичом и цементными растворами. Мы останавливаемся у рабочего места каменищика Малахова. Иван кладет последнюю шевию каркистой стены. Помогает ему Маша Провидица — смешливая, белокурая, похожая на подростка.

Иван, увлеченный работой, не замечает, как садил подошел Маркин. Маша собралась было уло-

дить за раствором, но, увидав начальника участка, вернулась.

— Здравствуй, Малахов, — проговорил Маркин.

— Здравствуйте, Егор Васильевич.

— Как идет кладка?

— До обеда шестсот кирпичной попомни. К концу смены еще пятьсот выложу! — ответил Иван.

— Молодец! А как ученица! Малахов лукаво взглянул на смущившуюся Машу и проговорил в ответ:

— Хорошо работает, скоро каменищиком станет!

Как неудержимо быстро мчится наше время, араве великих свершений! Мне довелось быть на буровой Анатолия Криушиина, когда его бригада первой в Татарии удостоилась высшего звания коллектива коммунистического труда. Теперь в республике тысячи их последователей. Они обгоняют аран, берут уже последние рубежи семилетки.

Недавно получил я письмо из Кистово от Саши Дворянишина. Мы познакомились с ним, когда сформировалась первая очередь Ново-Горьковского ТЭЦ, а теперь вступили в строй еще два котла. Отсюда на нефтеперерабатывающий завод поступают электроэнергия и пар, чтобы нефть Татарии, пришедшая по трубам из района «Второго Баку», превратилась в новом городе Кистова в бензин, мазут, дизельное топливо. Под Горьким на волжском берегу растет крупнейший центр большой химии.

Мне никогда не забыть, как восторженно рассказывали Ваня Малахов и Маша Провидица о будущем Сталингорского химического комбината! Это будущее предвещает сегодня несомно, зримо. Из старинного газа сталингорцы сделали опытные образцы сырья искусственной шерсти. Как она украсит жизни советских людей! Шерсть эта будет в восемь раз дешевле естественной и значительно прочнее. Ее не поносятся утюжить: она не будет мяться.

Скоро сталингорцы дадут и опытные образцы сырья для искусственной кожи. Лаковая и замшевая, белая и цветная, с узором, похожим на дорожку крокодиловой кожи, и блестящая, напоминающая цвет слоновой кости — вот виды искусственной кожи, основа которой — полиакрилонитриловая смола — будет изготавливаться на Сталингорском химкомбинате.

Большую землю страны делают молодцы, она прокладывает сегодня дороги в будущее.

Михаил МУХТАСНПОВ

✓ Я много жил,
Прожить бы стою же.
Себя от всех не отдаю,
Чем на земле живу я дольше,
Тем больше я тебя люблю.
Ты с каждым годом все красивей,
Милая, чем солнце поутру...
И имя гордо — Россия
Звонит,
Как знамя на ветру.

Я жить хотел
Не как-нибудь,
А так, чтоб с радостью да с толком,
И потому свой трудный путь
Искал настойчиво и долго.

Я — в небе.
Звезды говорят:
«На облаках легко и плавно,
Но если на земле скорабят,
То этой скорби здесь не слышно.
Другому право передай
Кунаться в голубую простору,
А сам спустишься и помятай
Свое призвание на море...»

Я — к морю.
Плещет предо мной
И повторяет многократно:
«Ты невсходимый,
Ты земной,
Взгляни и уходи обратно.
Иди туда, где был рожден,
А я, повздорив с океаном,
Прыду к тебе туда дождем,
Прыду к тебе туда туманом...»

От моря,
От его речей
В горячий дех пришел я вскоре.
Огонь маргеновских печей
Как будто стоворился с морем:
«Иди.
Постигшие руду,
Мы не разминемся друг с другом.
Иди, а я к тебе прыду,
Прыду предлузжником и плутом...»

Я — в поле.
И поля прела,
Напоившая берег пенной.
Я — плоть и кость родной земли,
Вошел по гряды
В развал ячменный.

Иду я вдоль межи,
Вдоль ржи,
Густой и шаткой.
— Привет! Привет, стрижки!
Привет! Привет, касатки!

Мне хорошо сейчас,
Как никому на свете.
Я счастлив, что у вас
Уже летают дети.

Я рад,
Что вдоль межи
— Привет! Привет, стрижки!
Привет и вам, Стрижатки!

Цветы,
Родившиеся ночью,
Заголубели на заре,
Как будто порванное в клочья
Лежало небо на траве.

Я вспомнил
Самшанное где-то,
Что небо,
Захотев издремнуть,
Ложится на земную гряды
И отдакает до рассвета.

Уйти!
УЙДУ!
Такой трюном,
Чтобы сам черт найти не смог.
Да, это правда:
И с тобою
Бывала я часто одним.

Бышало,
Надвое расколот,
Сидела я в смутной тишине,
И часто отужденна холода
Закрадывался в душу мне.

Пойми,
От сладкого начала
До этих воздых горьких дней
Ты безотчетно расточала
Мою любовь,
Не дав своей.

И происходило к изголовью
Выдавшие жюсты...
Тогда
Как перед ее большой любовью
По тьме
Сгорала я со стыда.

И на тебе глядела я строже —
Как на минувшую беду...
Ну, что же, милая,
Ну, что же,
Ты говоришь,
Уйти!
УЙДУ!

Ты у меня в гостях была,
Потом ушла в расцвет...
Потом поземка замела
Твой легкий альжмыный след.

Потом его мороз сковала,
И я жалеть не стала.
Не по тебе я тосковала,
Не по тебе страдала.

А в марте такал снега
И, вскрывшись по весне,
Через лога,
Через дуга
След снова вел ко мне.

Пришел апрель:
Уже в конце,
Упрямей всех замет,
Как на хрустальном постапце,
Лежала твой альжмыный след.

Все слова, слова,
Все реч, речн...
От волнистых папеш вдалеке,
Я давно не выходил навстречу
И лицо не подставляла пурге.

Море жизни!
За вину ль какую
Я прибыл к бумажным берегам?
Трижды замерзавший, я тоскую
По ветрам,
Тоскую по снегам.
Я тоскую по крутым морозам,
Я тоскую по гремучим грозам,
По тревоге:
Быть или не быть!

Я такой:
Нужны мне испытанья,
Мне нужны тревоги и страдания.
Я без них
Не научился жить!

Все слова
И все речей водича
Вместо снега,
Леса
И зарн...
Городскому,
Мне все чаще снится
Белый снег
И снится снегири.

В лесах,
В кустах,
Густых и прочих,
Весь превращался в бег и слух,
Тот хрипный лай и визги гончих
Зверь совершает жизни круг.
Охотник ждет,
И он дожидается.
Охотник знает:
Есть закон,
Что зверь затравленный вернется
На место,
Где был поднят он.
Тогда рука взведет курки...

Но я печальюсь не об этом.
Я говорю, что и потам
Даны подобные круги.

Когда поэзия не маюство,
Успайн требует полет.
В какой-то час придет усталость...
Что ж, и железо устает!
Тогда усталый, но не хлялый,
Чтоб стать смальней и боевей,
За прелекней дорюстолью и смалой
Спешит он к юности своей.

Темна,
Близка заприта леса...

Дай бог ему
В тот крайний срок
Не встретьте своего Дантеса,
Уже взводичего курок.

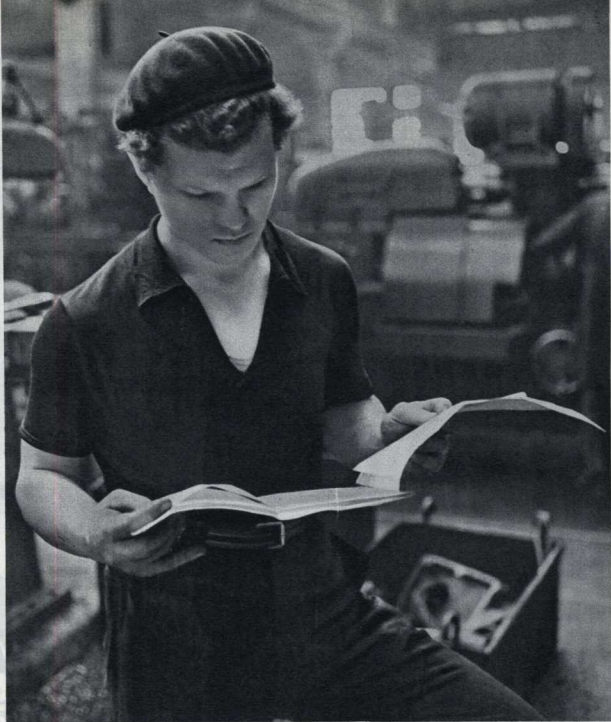

Фото М. Озерского.

— Так я и знала! Рука! Да еще права... Ну-ка, пошевели пальцами. Не больно!

Посиневшая рука была в гипсе. Валерий отвел глаза в сторону:

— На, мама, не больно...

— Господи! — Агриппина Ивановна не находила себе места. — Я ведь говорила, что ничем хорошим эта затея не кончится...

Да, она говорила. В тот день, когда Валерий принес из школы аккуратно свернутый в трубочку аттестат зрелости, дома состоялся большой и серьезный разговор о выборе профессии. Родители хотели, чтобы из единственного сына продолжал учиться дальше.

Валерий не принимал участия в обсуждении. Ему было просто все равно.

Поддавшись уговорам родителей, он отнес документы в авиационный техникум, благополучно сдал один экзамен, второй, а на третьем получил двойку. Конечно, было обидно, но, странное дело, на душе стало даже легче. Валерий совсем не был огорчен случившимся, может быть, потому, что авиационный техникум он выбрал совершенно случайно.

— Я поступаю на завод... — заявил он дома, и голос парня прозвучал необычно твердо и решительно.

Путь на завод лежал через техническое училище. И вот на практике, когда до конца учебы осталось совсем немного, случилось это несчастье. А теперь сидит он, раскиная перед собой слушающую руку, и в который раз слушает уговоры матери бросить эту работу.

Сменить специальность, которая наконец-то понравилась ему, захватил, увлекла! Он уже успел почувствовать гордость рабочего человека, когда шагал к проходной завода вместе со старыми кадровиками. Он уже успел ощутить радость, когда понял, что это большая и вначале строительный станок покорился ему, ученику-практиканту, что под его еще неопытными и неокрепшими руками бесформенный кусок металла превращается в гладкую, излучающую деталь... Нет, работу он бросить не мог!

Десятого декабря 1957 года фрезеровщик Валерий Кривенков впервые переступил порог мехмашинного цеха Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе.

Работа нравилась Валерию. Он решил стать универсалом, выпускать для автоматических линий самую разнообразную продукцию. Работа требовала умения, спорных, внимания, заставляла все время думать, искать, анализировать...

Валерий стал присматриваться к товарищам. Он обратил внимание на странное положение: у фрезеровщиков работы хоть отбавляй, а токарки нередко простаивали. Кривенков попробовал поговорить с некоторыми рабочими — те отмазывались: тебе-то что, ты же работаешь...

Он действительно работал. А другие! Ведь они же были в одной бригаде — бригаде Борщевской за звание коммунистической! Нет, это тоже касалось!

Он обратился к старшему мастеру цеха — Андрею Ивановичу Власову.

— Да видишь ли... — сказал Власов, — та автоматическая линия,

которую мы сейчас готовим, почти не требует токарных работ. — И долго так будет!

— Еще несколько дней.

А в другом цехе простаивали фрезеровщики. Видно, была допущена какая-то ошибка в планировании. И Кривенков начал говорить об этом на комсомольском собрании. Он говорил, доказывал — и добился правды. Простым стали редким явлением.

Комсомольцы решили: раз любит поработать — быть Кривенкову руководителем рейдовой бригады по проверке чистоты в цехе.

Вот когда пригодилось Валерию его способности к рисованию! После очередного рейда он пришел в комитет комсомола, разложил лист ватмана, взял тушь и большими, ровными буквами вывел: «Молния». Наутро весь цех сочувственно поглядывал на мастера Алексея Михайловича Додонова. «Молния» сообщила, что вчера на участке Додонова осталось много мусора, в беспорядке были разбросаны детали.

Алексей Михайлович ходил утруемый, молчаливый, но, увидев Валерия, неожиданно улыбнулся: — Ну что ж, все правильно.

Но, Продолжай в том же духе. Одинажды Валерий взбелал домой радостный, возбужденный:

— Ну, мама, поздравь, а студент!

— Неужели ушел с завода!!

— Нет... — Валерий засмеялся. — Поступил в вечерний металлургический институт.

...Он еще не сделал никаких открытий, не совершил никаких подвигов, этот белокурый сероглазый парнишка, которому едва исполнился 21 год. Но в своем замасленном рабочем комбинезоне он твердо и уверенно шагал по жизни, и ничто не заставит его свернуть с выбранного пути. И это хорошо знают рабочие Московского станкостроительного завода.

Недавно на заседании заводского комитета ВЛКСМ было решено просить райком комсомола дать Валерию Кривенкову рекомендацию для вступления в партию.

— Решено единогласно, — подвел итог секретарь комитета комсомола Виктор Кулешов. — Протест — никого, воздержавшихся нет...

Е. МУШКИНА

Бригадир слесарей-монтажников Борис Гречко.

ТРУБЫ В РУЛОНАХ

РАЗГОВОР В ПАВИЛЬОНЕ «МАШИНОСТРОЕНИЕ»

На Выставке достижений народного хозяйства СССР один из иностранных туристов остановился у простеночного на первый взгляд экспоната—небольшого рулона стальной ленты. Загорелый парень в клетчатой рубашке, инженер Запорожского завода металлоконструкций Юрий Коси́ков, объяснил иностранному гостю, что рулон не что иное, как... свернутая труба.

— Труба! — недоуменно переспросил посетитель.

— Труба,— повторил инженер.— В этом рулоне двести пятьдесят метров готового трубопровода.

Иностранец с недоверием взглянул на запорожского парня и принялся внимательно осматривать рулон. Он ткнул пальцем в узенькую темную полоску у самого края ленты:

— Электросварка?

— Да, электросварка.

— Так. Интересно. Это, конечно, опытный образец?

— Нет,— сказал Коси́ков.— Массовая продукция. Такие трубы у нас используются уже давно.

— Где?

— В Татарии, например.

— Вот как! Это экономично?

— Вполне.

Представитель Запорожского завода назвал несколько цифр, убедительнее любой рекламы доказывавших преимущество применения труб, свернутых в рулон. Иностранец вынул блонот и щелкнула автоматическим карандашом... Потом он спросил, может ли их фирма получить лицензию.

— Не знаю. Наведите справки где следует.— Коси́ков усмехнулся.— Советую потогоризиться: несколько крупных зарубежных фирм уже ведут переговоры.

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

Стальные трубы, свернутые в рулон! В это действительно трудно поверить. Все-таки труба не пустой пожарный шланг! И тем не менее факт остается фактом: такие трубы существуют.

В просторных пролетах цехов Запорожского завода металлоконструкций, где монтируются мостовые краны и фермы, стальные каркасы будущих заводских корпусов и кожухи газо-

очистителей, то и дело вспыхивают и гаснут и снова вспыхивают крики голубые сплюски дуговой сварки. Но это уже техника вчерашнего дня. Сегодня в цехах Запорожского завода работают десятки новейших сварочных автоматов и полуавтоматов. Сегодня здесь уже аарят металл под флюсом, контактным способом, в среде нейтрального газа.

И заводской комсомольский штаб, взявший сварку под свой контроль и расставивший строгие посты на всех самых важнейших участках, требует одного: всюду, где можно, вварить новинки сварочной техники...

В одном из цехов завода установлен удивительный стан. На нем-то и произведут стальные трубы, свернутые в рулон,— те самые, которые экспонируются в павильоне «Машиностроение».

Этот стан был установлен в цехе девять месяцев назад. Сотни рулонов труб, изготовленных на нем, уже отправлены на многие нефтяные и газовые промыслы нашей страны.

...На сборке стана работала бригада Бориса Гречко—четыре парней из отдела главного механика. Они не

были новичками в монтажном деле. Однако такой агрегат собирали впервые.

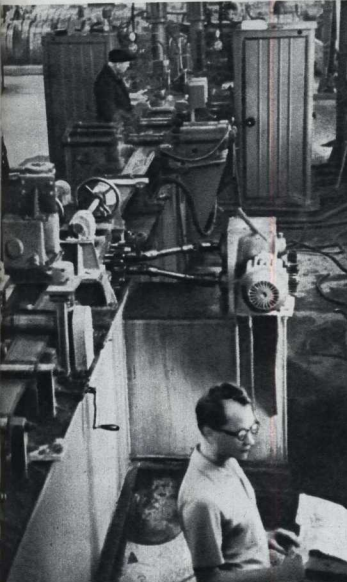
Идея создания этого стана родилась в Институте электросварки имени Е. О. Патона. Лауреат Ленинской премии Георгий Владимирович Равеский с помощью точных расчетов доказал, что если сварить кромок двух сложенных вместе узких стальных полос, а затем подать в образовавшуюся полость воздух под давлением, то полоса обретет форму трубы. Идея была нова и оригинальна... Когда небольшая опытная установка выпустила первые трубы и тщательные ис-

пытания подтвердили их высокое качество, Институт сварки изготовил чертежи первого в мире промышленного агрегата. Агрегат назвали станом для производства плоскосторонне-чашевых труб. Чертежи его передали Запорожскому заводу для строительства.

Сложное задание ухватил молодой монтажник. Бригада работала в одну смену, но нередко смена растягивалась до десяти—двенадцати часов. Монтаж шел зной, в новом цехе было весьма прохладно. Но работа ни на минуту не прекращалась. Добродушно посмеявшись, Гречко шутил,

Старший инженер Института электросварки Владимир Нехотяцкий проверяет работу испытательного стенда.

Стан включен... Между вальцами медленно движутся «сшитые» стальные ленты.

что именно прохлада и благоприятствует хорошим темпам... Вытнутый из десяти метров остоа стана постепенно обростал деталями: вальцами, следящими устройствами, электро-двигателями, стянными валами, проводками, ТЭЗами-электрики Саша Александров целыми днями копался в электрических схемах, наливая сложные электронные устройства.

Почти каждое утро в цех заходил Женя Газюкина, секретарь заводского комитета комсомола. Она обходила монтажную площадку и, появившаяся на сюзавнике, весело спрашивала:

— Есть ли еще порох, хлопцы?
— Есть! — отвечали монтажники.— Есть еще порох в пороховнице!

— У истоа есть, — говорил кто-нибудь из парней.— А ты вот плавзони поставицакам.

— А что?
— Вот как режут! — Парень проводил ребром ладони по горлу.— Мы бы давно сдали стан.

Монтажники несколько преувеличивали. Но кое-кто из поставщиков в самом деле задерживал отправку оборудования. И Газюкина

вместе с Мариниченко садилась за телефоны...

Наступил день, когда Саша Александров встал к пульту управления. Десятки людей толпились возле агрегата. Наладчик включил стан — и между вальцами медленно поплыли узкие стальные полосы. В сварочной машине, расположенной в центре стана, их сжимали медные электроды-диски. На электроды подавался ток огромной силы, и в том месте, где диски касались полос, сталь разогревалась почти добела. «Сшитые» таким образом полосы сваривались потом в рулон. Стан работал безукоризненно!

А на испытательном стенде уже закрепили в осырых зажимах полутораметровый отрезок трубы. Нужно было определить: выдержит ли сварные швы большее давление?
Мариниченко кинул головой оператору:

— Начинай!
Стрелка манометра дрогнула и рынком качнулась вправо до отметки «10».

— Давай, — повторил Мариниченко.— Еще. Еще... Люди, стоявшие поодаль, не отрывали глаз от черной отреза трубы. До них доносился голос оператора:

— Двадцать пять атмосфер... Тридцать... Сорюк... Пятьдесят...

Раздался глухой удар. Над трубой взметнулась серебристая струя воды. Оператор сбросил давление.

— Все в порядке! — удовлетворенно проговорил Мариниченко.— Шестидесять атмосфер! Это в четыре раза больше, чем потребуются при эксплуатации... Вода разорвала трубу в зоне сварочного шва.

СВАРКЕ ШИРОКУЮ ДОРОГУ

На сотни, тысячи километров протянулись по земле нитки трубопроводов. Течет по ним нефть, идет по ним газ. А сколько трубопроводов строится сейчас, сколько их будет построено в нашей стране через пять — десять лет!

Использование плоскоставриваемых труб экономит металл, сокращает затраты труда, дает выигрывать времени.

Правда, такие трубы можно применять еще не всегда и не всюду. Диаметр их пока не превышает шестнадцати сантиметров, трубы рассчитаны на рабочее давление, ограниченное пределами восьми — двенадцати атмосфер. Но кто сомневается, каких больших высот достигнет наша сварочная техника завтра! Экономичность новых труб доказана практикой. В Татарской АССР подписали, что при укладке каких-то километров плоскоставриваемых труб сэкономится свыше миллиона, сэкономит тысяч рублей, сэкономит более тысячи тонн металла. А как резко сокращается потребность в транспорте! Ведь новые трубы свернуты в плотный, компактный рулон, его разматывают на месте укладки трубопровода...

Полтора месяца назад загорские металлисты создали комсомольский штаб по сварке. На первое заседание штаба пригласили лучших электросварщиков завода. Они пришли в комитет комсомола в обеденный перерыв прямо из цехов, в рабочих спецовках.

— Великое дело — сварка! — сказал на этом совещании начальник штаба Павел Митрофанов.— Это истина, не требующая доказательства. Будем говорить о другом. Самая совершенная техника останется мертвой, если ее не вывезти на передний край... Митрофанов взял со стола газету.— Вот решение пленума ЦК ВЛКСМ. В нем говорится о шестестве комсомола над сваркой, о наших прямых задачах... У нас на заводе двенадцать сварочных автоматов. Но все ли они используются на полную мощность? Нельзя ли использовать автоматы там, где применяют пока дугую сварку? Вот об этом и надо говорить.

Выступили коротко, по-

деловому. И в том, с какой горячностью молодые рабочие говорили и о хорошем, чем мог гордиться завод, и о плохом, чего, к сожалению, было еще немало, чувствовалась их большая забота о ближайшем сварщику деле.

Комсомольцы включались в большой поход за сварку — за широкое использование ее на переднем крае семилетки. В поход, начатый комсомолом, всей молодежью нашей страны.

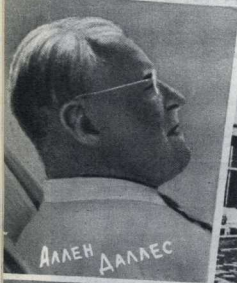
Н. ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

На этом участке свариваются конуки воздухогрейательных доменных печей и громадные резервуары для нефти и газа.

SALE OF SMU RECORDS

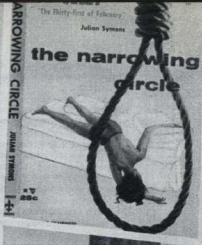
ААААА ААААА

.S. News
World Report

JUNE 27, 1968

LEA

An Interview With
Senate Leader Lyndon Johnson

ARROWING CIRCLE
JULIAN SYMONDS
THE THIRTY-FIRST OF FEBRUARY
1-41

the narrowing circle

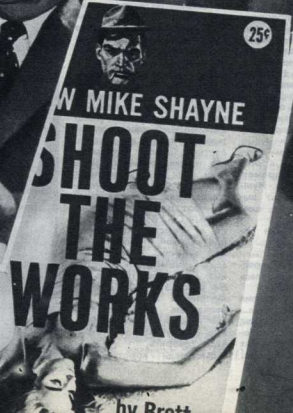
THE U-2
MUST FLY
AGAIN

U-2
CHINA
SECRET

INSIDE STORY OF
NEW DANGERS THAT U.S. NOW F

BRETT HALLIDAY

W MIKE SHAYNE
SHOOT
THE
WORKS

25c

by Brett

АМЕРИКАНСКАЯ ТАТЕЛИЯ

ЧТО ПОРОДИЛО ПАУЭРСА?

На первый взгляд он казался спортсменом: невысокий, мускулистый, с коротко подстриженными волосами. Однако стоило услышать, как он тихим и унылым голосом, никак не являющимся с его молодецким видом, давал односложные ответы,— впечатление мгновенно менялось.

Он не отставал убеждений: у него их не было; не хитрил, не извивался: все было достаточно неопровержимо.

...Его наняли. Он робот, автоматически нажимающий на рычаги. Работа тяжелая, но плата за страх высокой,—не я, так другой...

Когда Генеральный прокурор Руденко в упор спросил:

— Ну, а если бы вам приказали нажать на рычаг и сбросить атомную бомбу, как бы вы поступили?

Пауэрс ответил:

— Это могло быть сделано.

Ответ Пауэрса напомнил эпизод Великой Отечественной войны.

Это было летом 1944 года в Белоруссии. Даю наших разведчиков привели пленного немца. Он был массивный, выше среднего роста, неуклюжий, в очках. Пленного подвели к командуре, и он с готовностью стал отвечать на вопросы.

Оказался он минероло-подвижником, специалистом по так называемым «кинам-сюрпризам». В его ассортименте были и консервные банки с тушенкой и бутылки с немецким шансом, и авторучки—все с нехитрым расчетом на жадность и глупость противника.

Ноториально и обстоятельно он отвечал на вопросы. Внимательно всматривался в карту и отмечал на ней минные поля. Иногда он говорил: «Момент,—на минуту задумывался, вспоминая, а затем уверенно дополнял и показывал.

Когда стало все ясно и пленного должны были отправить в штаб дивизии, группа бойцов попросила разрешения поговорить с немцем.

«Ты спроси-ка его,—сказал, обращаясь к переводчику, пожилой солдат,—как он стал фашистом: по убеждению или как?» Это случилось как-то само собой. Я со школьных лет состою в организации гитлеровской молодежи и, вполне естественно, вступил в партию фюрера».

«Что он знает о Советском Союзе?»—не унимался солдат. «Только то, что писали в газетах. Меня интересовала не политика, а наука». «Читали ли вы Гете, Шиллера, Гейне?» «Только Гете». «Вы сказали, что вы биолог. Читали вы труды Павлова?» «Нет».

Лейтенант, в упор смотревший на него воспаленными от бессонницы глазами, спросил на немецком языке: «Скажите, вы смогли бы повесить женщину и расстрелять ребенка?»

Пленный пожал плечами: «Я солдат и повинуюсь приказу»...

Теперь, когда по делу Пауэрса произнесен справедливый и гуманный приговор, напрашивается вопрос, что же породило и сформировало пауэрса, которые, по свидетельству вашингтонской газеты «Стерн», «влищивают собой большую часть современной Америки».

— Я был просто летчиком,—сказал Пауэрс.

Но невежество никогда не было аргументом, духовная нищета—достоинством; позор никогда не вызывает сострадания.

Для войны нужно пушечное мясо—солдаты, не думающие и не рассуждающие. Поэтому создание условий, в которых могли произрастать пауэрсы, наряду с гоной вооруженной было задачей номер один американских монополистов.

Пауэрс рос и формировался как гражданин не под степенными колпаком. Он воспитывался в стране своего развитого капитализма. С экранов кино и телевизоров, со страниц газет и журналов, по радио и, наконец, с церковного амбона ему внушалось превосходство «американского образа жизни».

Но кровавая бойня Кореи, истерия маккартизма и многое другое не могло не принести ему разочарования, за которым последовала опустошенность.

Пауэрс никак не мог думать, что трагедия холодной войны станет его личной трагедией. Он видел в долларе панацею ото всех бед и символ покоя и счастья.

Когда Пауэрса вербовали в разведку, не романтика приключений, а доллар решил дело. Пауэрсов готовили для войны еще со школьной скамьи, где они, не зная стихов Уитмена, студировали певца колонизаторов—Киплинга.

Недаром, когда представитель Центрального разведывательного управления, закрепляя сделку контрактом, произнес:

«За легион, который не значится в списках армии, за нашу орду вне закона»,—

Пауэрс легко продолжил:

«Мы пойдем, чтобы разузнать, получить пулю и быть проклятыми».

(Киплинг «Потерянный легион»).

Жена его, Барбара, с которой Пауэрс советовался накануне вербовки, сразу согласилась с тем, что муж продается за 30 тысяч долларов в год, а когда его послали в шпионский полет в глубь СССР, она, по ее же словам, «играла с подружками в бридж и вальсала на солнце». Она знала, что муж подвергается опасности, но ни на секунду не задумалась, какой опасности подвергается все человечество.

Суд над Пауэрсом был не только судом над летчиком, нарушившим государственный суверенитет СССР и других стран. Это был суд над теми темными силами, которые готовят новую мировую войну, над теми, кто огулывает, обманывает молодежь Америки, формирует послушных пауэрсов, способных без колебаний «включать и выключать рычаги».

Б. ЧЕРКАСОВ

19 ЧАСОВ 25 МИНУТ

Юлиан СЕМЕНОВ

(Продолжение. Начало см. в «Семь» № 17.)

СУББОТА 22.54

ПОВЕСТЬ

В ушах все время звенело. В этом непрерывном звоне Строчак мерещился голос. Он открывал рот, часто глотал, двигал челюстью, но звон все равно не проходил. Тогда Строчак крикнул:

— Эней!
Он кричал в неистовую темноту, окружающую его со всех сторон, снова и снова. Ни звука. Тугая тишина и зноя, будто сотня комаров жужит. В этой тишине свой же голос показался Строчаку очень значимым и красивым.

— Ну меня, оказывается, бас,— подумала он, — а я и не догадывалась.

Строчак снова крикнул:
— Эней!
Звон в ушах не проходил, никто не откликался.

Тогда Строчак осторожно пошевелил ногами, согнул их в коленях и, повернувшись набок, пошел в правый карман спещки за спичками. Потом он так же осторожно повернулся на левый бок и пошел в левый карман. Но спичек и там не оказалось.

— Хотя,— подумала вслух Строчак,— они же были у меня в руках, когда стала оседать пороха. Точно, в руках. Я еще собираюсь закурить. Я закричал Антону: «К стене!» — и вынул рукой. Кажется, именно в этой руке и были спички.

Когда Строчак стал думать вслух, ему сразу же стало легче. Дыхание сделалось ровным, а перед тем было перерывистым и очень частым.

— Надо думать вслух,— сказала Строчак громко,— это я верно делаю, что думаю вслух. Мне стало стыдно перед самим собой, если что не так.

Строчак растопырил пальцы и стал шарить вокруг себя. Он искал спички, но пальцы наткнулись только на куски пороха. Строчак решил привозиться, чтобы потом стать на корточки. Но только он привалился, как голова уперлась в породу. Тогда Строчак решил промерить расстояние вокруг себя. Он развел обе руки и снова уперся кулаками в породу. Потом вытянул руки перед собой, но до конца распорхиваться в локтях не смог: пальцы сразу же уперлись в холмоный кварц.

«Я в мешке,— подумала Строчак,— а мешок маленький».

Вслух он говорит не стал, словно испугавшись, что эти страшные слова может услышать кто-то еще. Вслух он сказал:
— Сволочи! — И снова начал шарить пальцами вокруг себя.

«Слиты стога около комоды».— думала Строчак, сидя, как слепой, с широко раскрытыми глазами и шаря пальцами вокруг себя.— Потом он быстро отскочил назад, а Андрей тот же закричал. Ермоленко успел уйти. Он минут десять ждал ушел. Интересно, нижний хвостик завелась? Андрейка испугался здорово; у него даже лицо перекосило».

Строчак теперь pronunciал пороку вокруг себя на так азвучало, как в первую минуту, а спокойно, методично. Он мысленно разделил площад, на которой сидел, на квадраты. Сначала получилось десять квадратов. Потом он увеличил до двадцати пяти. А потом и до пятидесяти. Получилось хорошо. Сейчас нельзя было торопиться. И сейчас главное — во что бы то ни стало отыскать спички. Тогда можно будет соорозить, где Антон, а где Андрейка.

— Когда торопишься,— думал он, заставляя себя думать тоже медленно и спокойно,— тогда ничего нельзя найти. Это точно. Попробуй найти книжку в шкафу, если торопишься,— ни черта не найдешь».

Строчаку снова показалось, будто кто-то совсем рядом шепчет. Сначала он решил, что это по-прежнему звон в ушах. Но потом он подумал: «А вдруг Андрейка?»

— Эней! — закричал Строчак. — Кто там?!

Никто не ответил.

— Врунда,— сказала вслух Строчак,— это просто звенит в ушах.

«Почему так испугался Андрейка? — снова подумал он. Это может быть наше приходящее яйцо в голову.— Почему он так закричал?»

— Наверное, он просто растерялся,— сказала Строчак громко.— Испуг — это совсем другое. Когда пытаются, тогда могут делать подлость. Строчак вспоминал, как он испугался в ноябре сорок третьего, когда форсировали Днепр. Он попал из шквалы прямо в самое пекло. Он вышел через реку на стареньком катере. Это катер был фанерным. А немцы беспрерывно били по реке транзирующими и зажигательными пулями.

Строчак сидел на палубе, согнувшись в три погибели: ему казалось, что так было безопаснее. Его все время знобило, хотя под ватником было теплое шерстяное белье. Вдур у катера забархала мотор. Он остановился посредине реки, освещенной взрывами, прожекторами, линиями транзирующих пуль и пожарами на обоих берегах. Особенно страшно было, когда рядом пахались мины. Они пахались,

словно разбитые яйца в сковородку с кипящим подсолнечным маслом. Одна мина разорвалась совсем рядом, и катерок прошлою осколками. Тогда Строчак, обезумев от страха, кинулся к узенькому выходу в трюм. Выход был закрыт спиной человека. Строчак закричал:

— Ась! Ась!

Человек не отошел. Тогда Строчак стал бить в спину носком сапога: ему очень хотелось спрятаться в трюм, защищенный от стальных осколков фанерой. Человек, закрывавший вход в трюм, обернулся, и Строчак понял, что он пивал сигареты в чиную девушку. Девушка была совсем молоденькая, беленькая вся, чистая такая и спокойная.

— Ну что ты,— сказала девушка чуть хриплым голосом,— ну что? Ты не бойся, пожалуйста».

И в это время на катере заработал мотор.

— Вот видишь,— сказала девушка,— теперь все в порядке, а ты меня знои не убивай.

Наверное, именно в эту минуту Строчак стал солдатом. Немцы, засеянные на левом берегу, хотели сделать его скотом, потому что тот, кто боится, тот и есть самая настоящий скот. Человек научился не бояться, поэтому он и стал человеком. А как только он снова выучивается страху, так он снова становится скотом.

— Прости,— сказала тогда Строчак,— мы еще с тобой увидимся».

И они увиделись через два недели. Они увиделись в Азовской, в штабе дивизии, когда в полудня награды: он — Красную Звезду, она — медаль «За отвагу». Там они и поженились. Ему было девятнадцать, ей — семнадцать с половиной. Поженились, проехали вместе два часа в ожидании попутной машины и расстались. Она — в суббат 22/714-ж, он — в 14-й стрелковой батальон.

— Ну-ка,— сказала Строчак, снова опустив руки на порогу,— продолжай».

Он на этот раз шарил пальцами совсем недолго. Он только стал вести пальцами вдоль стен, как почувствовал какой-то особый холод. Этого холода не было холмоном пороха. Это был металл».

— Ломик, — сказала Строчка удивленно. — Ломик — вурт закричал он несладливо для себя, и от этого на мгновение перестало зреть в ушах.

Он вытиснул ломик из-под кузов породы и попробовал ударить чуть правее себя. Он прикинул, что именно там должен быть Ситин. Но удара не получилось: мешок, в котором спускался Строчка, был слишком маа для того, чтобы можно было размахнуться ломиком. Тогда Строчка взяла ломик обеими руками, а в спину, затылок и ступни ноги уперся в стеньгу коменского мешка. Напружинившись, он мик медленно ладонями. Острые когти падали ему на ноги, больно царапали кожу. Выскрившись неболюмя юму, Строчка просунула туда ломик, попробовала, сможет ли теперь ударить, потом раздвинула и ударила что есть силы.

— Раз, — сказала он, крикнув, — два!
И снова ударила и снова стала считать удары вслух.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 4.42

В момент обвала Ситину придавило ногу. Сначала нога болела, придавленная огромной глыбой, а теперь боля постепенно стихла, и только наивная от беда и до колена все время приятно покалывала. Самое неприятное было то, что Ситин из-за придавленной ноги не мог поворачиваться. Он сидел, чуть откинувшись назад, упершись ладонями в породу, сидел точно котом и главным инженером Аверьяновым на охоте. Только на охоте, когда руки начинали немать, он отрывался в шашли и ложился на ветки. А здесь он не мог лечь, потому что за спиной торчали острые глыбы, с которыми даже сидеть было приспосаблилось. Но ему все-таки приходилось — как только рукам делалось невмоготу — осторожно опускать свое тело на острие глыбы и, закрыв глаза, терпеть боль в спине. И каждый раз он стучался головой о выступы породы и каждый раз усмехался, потому что звук поспе ударя получался словно у аудумарика, который бьет по пустой кастрюле, зазывая хозяек. Это получалось оттого, что каска у него сдвинулась на самый затылок и держалась на макушке каким-то чудом. Подумать какку Ситин не мог из-за того, что были завиты куки, а если бы они и освободились на мгновение, то все равно поделеть ничего было нельзя: голова находилась в каком-то конусе, куда руки не проходили. Ситин чувствовал острые глыбы у себя на щеках, около шеи. Когда он только немножко ворочал голову, уши сразу же наткнулись на острые выступы породы.

«Как в шпеме, — подумал Ситин, — рыларь вистовый, мать его тата...»
У Ситина была страсть, которую он то

всек скрывал. Он любил читать романы Вальтера Скотта. Он лежал на крыше у отня и тогда голубей. И все время читал романы. Только весной и осенью он охотился — тогда было не до чтения.

«Как там Андрейка? — подумала Ситин. — Парня, вконец перекутался. Даже андр по диагоналям перекусило. И орал что тут. Спаси бог, что с ним случилось... Вот неприятности! И в субботу, главное».

Ситин дивно сплону и закрякста.
«Сейчас бы савай зорька пошла, — думал он, — а тут, зараза, сидишь, как парвалтик ка-кой...»

Ситин со злости неловко пошевельвал, и ногу от этого прокололо дайной, страшной игой боля. Ситин застыл и сразу же увидел анду своего отца, которого он никогда и никому не позволял называть приемным. Когда Ситину было плохо, он всегда почему-то вспоминал старика. Это было несознательно, но это было, как правило, вслух.

Ситину стало прийти, что он само представил отца так ясно. Ему не хотелось снова остаться один на один с темнотой, с болью, с каменным мешком, который давил на него со всех сторон. И Ситин стал вспоминать деда, старика и охоту. Отвечать ему вспоминалось, как старика решался сысть с егерства по старости. Старик сам очень потешно рассказывал об этом. Он рассказывал, как к нему приехал инспектор из области — уговаривать уйти на пенсию.

«У него все с иголочки, — говорил старик, — ружье блестит, как паровоз, патронташ скрипучий, гильза медная, салою дерьмом воняет — нехороший, значит. Ладно. Я смотрю, беседа веда споконину, на его вопросы о здоровье от-вечает. Смотрю, он между делом патронташ стал заряжать. Стакан цемалый пороха сылет в гильзу. Ладно. Ну, думаю, аукнется тебе моя обеспеченная пенсионная старость».

И Антон Ситин засмеялся, вспоминая о тех событиях, которые случались на егерской замке поутру, на зорьке.

Смех человека, заваленного в шахте, затишного в каменный мешок, где темнота такая, что поднеси к глазу белую бумагу — не увидишь, где тышина такая, что каждый шорох кажется грохотом — смех человека здесь, в каменном мешке, казался диким и противоестественным. Отсмеявшись, Ситин снова увидел хитрые глаза старика, добрые морщинки на висках, он увидел руки, вечно в ссадинах и в рубцах, и глыбы, которые в кресле сидел, он увидел всего его — сохнувшего, совсем несомского, такого доброго и родного человека. Ситин увидел старика так отчетливо, будто его показывала кино. Антону стало немного страшно из-за этого, и он снова засмеялся. Но теперь уже его смех не был таким, как в первый раз. Теперь он смеялся для самого себя, чтобы попробовать еще раз убедить себя — с ним, Антоном, ничего плохого не может случиться. Ничка не может. Его отколотит и поутру быстро огрентонит. Иначе не может быть. Потому что, во-первых, он еще не дорубил всего золота, как обещал в Кремле, а во-вторых, старика без него будет худо. А этого никак не должно быть, Антон Ситин отвечает перед самим собой за то, чтобы старик всегда мог оставаться егерем и варить уху, говить вместе с сыном голубей и раздывать каждую субботу приходу Строчки, Аверьянова и Антона.

Ситин думал обо всем этом и чувствовал, как он фальшинка, когда смеялся второй раз. И чтобы это сознание того, как фальшинка он смеялся, не мучало его, Антон снова стал вспоминать историю про инспектора, который хотел пенсия старика на пенсия. Это историю старик рассказывал каждый раз после удачной охоты.

«Самш, — продолжал рассказывать старик, — зарядя он свои гильзы и айда стрелять птину. Увидел утку, взмахнул ружье свое да как удилнет! Сам-то он в олку сточил, ружье в другую, а дробь слово зуч из рамформона пометала».

Кончая свой рассказ, старик каждый раз так подлетки, так искренне и радостно смеялся, что и всем остальным удивляться не было никакой возможности, хотя все друзья Антона слышали эту историю по крайней мере раз тридцать.

Ситин вспоминал, как старик хохотал и пла-

кал от натужного смеха, и чувствовал, что сейчас и сам рассмеется. Он ударил подумал: искренен ли будет его смех? Подумал, Антон решил, что смеяться сейчас он будет не фальшинку, не как во второй раз, а споконину и от души. Когда Ситин понял, что сейчас ему хочется смеяться, он вдохнул и смеяться не стал. Он только улыбнулся в темноте — и самому себе и своему старикаму.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 4.54

Kant! Kant! Kant!
Где-то совсем рядом все время капала вода. Если закрыть глаза и не думать о том, где сейчас находишься, может показаться, будто только-только отпроткала весенний, шпалый ливень и капая, стекая с водостока, гулко ложится в большую деревянную чокку, поставленную специально для дождевой воды.

Когда Андрейка был мальчишкой, он играл в такой бочке в морские сражения, потому что в постеле не было ни пруда, ни речки. А когда наконец посторнул пруд, Андрейка уже учился в фабзавуче. Ему очень хотелось поиграть в морские сражения, построить настоящие боевые корабли из дерева и фарфора, но он пошмил, что ребята засмеют, и потому никогда больше не играл в морские сражения...

Андрейка напугал в кармине синего. Он достал их, вынулша большею струю в карбиде и забел ламы. Вообще-то он не хотел заигнать карбидку, чтобы не видеть своей задани. А он

была в западнe, в самой настоящей западнe. Порода обзавалась здесь большими пастинами, завалив все. Осталось только двухметровое пространство, похожее на платинный шкаф. И в этом шкафу, лишней возможности не зная, что двигаться, а даже просто принести, уже десятый час кричал маялся Андрейка.

Ему не хотелось зажать карбидку еще и потому, что винту, как раз под ногами, лежала фляга с водой. Но держал флягу Андрейка не мосе. Он не мог нагнуться. Он не мог опустить руки ниже колена: со всех сторон Андрейка был стиснут породой. Ни присесть, ни вприсесть, ни согнуть колен. Только стоять, все время стоять, не шевелясь, не двигаясь, даже не поворачивая голову.

И если первый раз Андрейка зажгала карбидку только для того, чтобы как-то действовать, второй, — чтобы еще раз осмотреть свою западню, то в третий раз Андрейка сразу же посмотрела себе под ноги, на флягу. Под ладошкой все время сосало, губы начали трескаться, язык сделался большим и шершавым. С каждой минутой жажда все больше и больше мучала Андрейку. Поэтому он решил зажечь карбидку в четвертый раз. Он повесил лампу на грудь, зацепив крючком за карман спеццожа, спустил руки вдоль тела, а носком сапога, словно мальчишка, который играет в жестку, начал подбрасывать флягу вверх. Фляга ударилась о породу и гайку брызнулся вином, к ногам. Так продолжалось много раз. Андрейка подбрасывала флягу, сцисив зубы и раздув от злости ноздри. Он начинал свирепеть все больше и больше, он понимал, что нельзя еще сейчас выходить из себя, но поддаться с собой ничего не мог.

И в тот самый миг, когда, сжав кулак, Андрейка решил: «Стоп! Хватит!» — фляга коснулась его руки. Андрейка весь так и ухнул вниз, распорхив пальцы, чтобы ухватить флягу, но было уже поздно: фляга снова брызнулась под ноги. Андрейка было ударились лицом и коленями о породу из-за того, что весь ухнул вниз. Он рассердился и снова начал подбрасывать флягу носком сапога. Он все сильнее чувствовала жажду, все тяжелее становилась боль во всем теле, все чаще комок подкатывал к горлу и мешал дышать. И Андрейка стал подкидывать эту злополучную флягу с холодной водой что было сила. А потом, особенно это и сильно подбирала флягу, он услышал какое-то дребезжание. Это дребезжание с каждым ударом сапога становилось все более противным и раздражающим. А когда начала брызгать вода, Андрейка поняла, что сила буюнок пробку. Замерев, он слышал, как брызгала вода, выливаясь из фляги. Он долго стоял и слушал, как выливалась вода из фляги, а потом, зажмурившись, выключил карбидку и замер, стараясь рассабать тело.

Кап! Кап! Кап!

Где-то совсем рядом капала вода. Это была вода не из фляги. Просто из кварцевой жила сочилась студенья, необычайно вкусная вода. Вода вод землей, спрятанная в жилах, всегда кажется особенно вкусной. А может быть, она и на самом деле по-особенному вкусна!

Капель становилось все громче. Андрейка из мос слышать эту репер уже грохочущую капель. Теперь грохот капели отдавался в голове страшной, рвущей болью.

«Вот черт! — подумал Андрейка. — Ну что она все каплет!»

ВОСКРЕСЕНЬЕ 12.16

Пробившись к Стыгну, Строчак спросил:

— Ну, как ты, Антог?

Он спросил обыкновенным своим голосом, так, будто говорил в обиход-то же случившееся. — Я? — переспросила Стыг и ответила таким же обычным голосом: — Я хорошо, а ты?

Голос его был гулким и доносился очень издали, хотя, как казалось Строчку, Стыг был от него метра в трех, не больше.

Строчак снова начал бить породу перед собой, стараясь сделать так к Стыгну пошире, чтобы можно было поближе подобраться к нему. Он работал с полчас, а потом, устав, положил ломик рядом с собой, не выпуская его из руки. Строчак согнулся, чуть полудился вперед и влинул языком воздух перед собой. Он рассердился, потому что не достал языком до породы. А по его расчетам, порода сейчас уже должна была покрыться несколькими каплями воды. Примерно через каждую час — так подсчитал Строчак — колдуньи капельки воды выстывают на породе. Их только надо успеть слышать, потому что иначе они солятся в быструю маленькую струйку и упадут под ноги. А к своим ногам Строчак пока еще не мог дотянуться. Он все только свистался, валивая шепю вперед, но и то не очень слышно, потому что иначе стучался обом о породу.

Строчак нагнулся еще раз, подальше вытянул шепю и ощутил кончиком языка влагу. Он стал облизывать губы. Он несколько раз облизнул губы, и от этого во рту стало немного поощнее и появилась слюна.

— Послушай, — сказала Строчку Стыгну, — ты почаше облизывай губы.

— Ты не беспокойся, — ответила Стыг, — я облизывалась часто. Как кот.

— У тебя волица ничего?

— Ничего.

— Самое вкусное на земле — вода.

— Нет. Пельмени.

— Обжора ты, пареня.

— Какой же я обжора!

— Не спорь. Самый ты настоящий обжора. Только бы тебе пельмени и ешь. — Он помолчал немного, а потом, усмехнувшись, сказал: — А знаешь, в Салавках пельмени очень вкусно готовят.

— Не вкусней наших-то, сибирских.

— Вкусней, — убежденно ответила Строчак и растерегла ворот рубашки. Он встопил после двух часов работы, пока пробралась к Антогу. Гудам мыщур рук, и очень бодела шепю, оттого что была все это время в напряжении. Строчак расслабился и привалился спиной к породе. Он решил отдохнуть и подождать, когда перестанет болеть шепю.

— Знаешь, почему я так говорю? — спросила Строчак.

— О чем?

— Да о пельменях?

— Каких пельменях?

— Ну, которые в Салавках делают...

— Откуда же мне знать...

— А я знаю. Я знаю, почему я так говорю. Нас туда забросила в сорок четвертом, когда восстание началось. Нас было двадцать пять. Нас забросила с парашютами в горах. Я первым прыгнул. Меня и отнесло чуть-чуть куда. А кругом горы. И крикнули волицы: в траве проводов много всяких радиопретных было. А это значит, фрицы рядом. Куда уж тут кричать! Ты слышишь, Антог?

— Слышу, Никитя.

— Ну вот... Бродил я, бродил и забрел в хутор. Маленький, в горах, наверное, только и бывают такие: один дом, пять сараев да колодец. Журвал вальсывает, как и у нас, на Украине. Лег в траву, подстереть думал, вот ли немца. А как лег, так и уснул. Проснулся — смотрю, рядом со мной женщина сидит. Молодая такая, толстая, красивая. Я ее, знаешь, и сейчас прямо все помню. Она в меня смотрит и спрашивает: «Русский? Я: «Русский? Ты слышишь, меня? Антог?»

— Слышу, — ответила Стыг совсем тихо. Громко говорить ему становилось все труднее из-за того, что боль в ноге сделалась невыносимой.

— Антог! — крикнула Строчак. — Ты что молчишь?

— Я слушаю! Я все время слушаю! — ответила Стыг громче и вытер со лба испарину.

— Она меня в эмбаре спрятала, — продолжала Строчак — мужнину обложку дала, корман, пошла. Муж у нее украинец, она поэтому со мной говорить могла — он ее выучил. Смешно она по-нашему говорила. И умибалась все. Хорошо, добро так умибалась. Потом раз пришла и говорит: «Видишь эту обложку. А я спрашиваю: «Где?» А она говорит: «Рядом. Я отведу тебя ночью». Сказала так и легла в сено. Травнику на палец наматала и говорит: «Одна я. Мужа моего прощайте тогда ублажи». А у меня жена, Люся, с пазом тогда ходила. Шестой месяц

шея. На лице — впадина, пузо — огузцом, а глаза — чистые, красивые, будто у ребенка. Только у беременных такие глаза бывают. Вспомнил я Лисю, отошел в угол и говорю: «Красивая ты, только уходи лучше». Она трепыхнуто с палкой расмотала, бросила ее, надавывая и говорит: «Яй убой, ты не думай. Только вы, мужики, войны начинаете, а нам, бабам, горе жить...» Отвела она меня ночью к партизанам. А я потом забыть ее не мог. Сбежала она со мной ко мне со всей силой тоской, а я — гордый, как в книгах пишут. Узнали ба немцы, что она меня у себя хоронила, — на первом суку Б вздернули. А я, вишь ты, гордый. Вот и по сей день мучаюсь: никак для себя решить не могу... Ты слышишь, Антон? Антон молчал.

— Ты чего, — спросил Строчак, — уснул, что ли?

Сытин молчал по-прежнему.
— Антон! — закричал Строчак.

И снова никто не отозвался.
Тогда Строчак схватил аммиак и снова начал давить порошу, но теперь сильнее. Надо было как можно скорее пробиться влодую к Сытину.
— Что же с ним? — со страхом думал Строчак. — Он ведь все время говорил со мной. А может, не хотел беспокоить? И Андрейка черт-те где...»

— Антон! — закричал Строчак что было сил.

— Ответь же!

И Строчак снова начал давить аммиаком порошу перед собой. Он работал без отдыха, но место откуда было слышно. Пот разбежался гуще. Аммиак стало свистеть, перемывать. Когда в глазах появились зеленые круги, Строчак жмурился. Он что есть силы жмурился, чтобы забояться газа. А когда в глазах начались резкие, земные круги, исчезли, и ему было легче работать.

Варут под аммиаком что-то зашуршало. Строчак весь съехался. «Каска! — стремительно пробежалось в мозгу. — Каска Антона!»

— Антонка! — закричал Строчак слышащимся голосом. — Антон!

Он бросил аммиак, выгнул руки вперед, ударил головой о какой-то выступ, разбил в кровь лоб и губы. Он уперся ладонями в то место, откуда пришла звук удара по металлу. Ладони уперлись не в квадрат, и не в каску Сытина. Ладони Строчака уперлись в золото. Он почувствовал это сразу. На всякий случай, чтобы убедиться, Строчак отковырал маленький кусочек, попробовал его на зуб и потом положил в карман свечки.

— Золото, — сказала он самому себе тихо и снова позвал: — Антон!

И снова никто не отозвался.
«Что же они там,верху? — в отчаянии подумал Строчак. — Что же они там!»

ВОСКРЕСЕНЬЕ 16.57

— Иван Егорович, — сказала секретарша Наде, заглянув в кабинет к главному инженеру Аверьянову, — вы бы покушали...

Аверьянов, не снимая каски и свечки, стоял около стола и перекалывал с места на место схемы рудника и диаграммы выполнения плавки. Он только что подошел к 218-го квадрату, где велась спасательные работы. «Что же мне сейчас делать?» — думал Аверьянов.

Начальник рудника вместе с парторгом, главным маркшейдером и геологом уехали еще днем в Читу, в совхозхоз. Аверьянов остался один. И он, тридцатидвухлетний главный инженер, один, сейчас, незамедлительно должен принять решение, самое правильное решение из двух возможных. Либо идти проходами и пробиваться к пострадавшим только с помощью отбойных молотков, либо вестись взрывработы. Первый путь должен был продолжаться дней восемь-девять, второй — два-три. Первый путь сложивший. Второй — рискованный. Очень рискованный. Но все же, любой без еды и без воды — это гибель для Строчака и его бригады. Если идти только отбойными молотками, — Строчак и его люди обречены. До конца обречены.

Если предлут успешно взрывработы, — людей можно будет спасти. Но риск очень велик. Риск так велик, что Аверьянов вот уже пять минут кричит стоит около стола и перебирает схемы и диаграммы, хотя нужные ему схемы он уже вложил в карман.

«Что же мне делать?» — в который раз спрашивал он себя. — Спокойно откладывать, выполнять предписания? Или рисковать и идти со взрывами? Или вообще сейчас уже в путь «абсолютно бессмысленный»?

В углу сидел старик Сытин, молча кукая свою кепку и неотрывно смотрел в список главного инженера. На коленях и на руках пиджака у старика залохла грязь. Он так и не успел

почиститься с тех пор, как прибежал сюда. Он падал несколько раз по дороге и потому сильно испачкался. Лицо у старика краснело, глаза слезились за эти часы совсем казенно-быстрыми. А левый глаз еще ко всему беспеременно слезился.

— Слышите, Иван Егорович, — повторила Наде, стоявшая по-прежнему на пороге кабинета, — вы бы перекушали. А то ведь всю ночь на ногах.

Не отрывая головы от бумаж, Аверьянов спросил:

— А что у нас есть?
— Чай с лимоном и яичница.
Аверьянов спросил Сытина:
— Яично съешь, старикан?
— Не хочу. А ты что, завтракать собираешься, Иван Егорович?

— Собираюсь.

— Может, потом бы позавтракала, а? Там ведь Антоша мается...

Аверьянов строго посмотрел на старика из-под очков и сказал:

— Я же разговарива тебе: они живы и здоровы. Скоро их откопает.

Сытин зашмыгал носом и сказал коротко и тихо:

— Врешь.

Он помолчал, а потом, утерев слезившийся левый глаз, добавил:

— Ты, мила-душа, главный инженер, а я старик. Мой глаз против твоего зорче. — И совсем тихо попросил: — Ты уж не тяни душу, скажи от сердца: лаской?

Аверьянов сжал охоту, протер своими длинными, тонкими пальцами покрасневшее от бессонницы глаза и сердито сказал:

— Сейчас будем завтракать.

Потом он нажал кнопку звонка и сказал вошедшему: — Наде!

— Дайте нам яичницу, чашу с лимоном и хлеба.

Надя повернулась, чтобы сбоять вина, в буфет, но столкнувшись на пороге с Филимоновым, растерянно улыбувшись. Лицо у женщины было сосредоточенное и спокойное.

— Можно войти? — спросила Филимонова.

— Заходите, — ответила Аверьянов, чего-то испугавшись.

— У вас посподеть хору, Иван Егорович.

Андрейка об вас молотою коротаного говорила.

— Садились, пожалуйста, — сказала Аверьянов, растерянно улыбувшись. — Сейчас мы все етросом позавтракаем. А потом я спущусь в тору и сделаю доклад.

— Вы мне так не говорите, Иван Егорович. У меня муж в шахте работал, а завале был. Так что мне так говорить не надо. И обманывать не надо меня.

Аверьянов отошел к окну. Он увидел на площадке перед руководственным горняком. Здесь стояли все работники рудника. Все стояли молча, с непокрытыми головами. Многие куряли в кулак, будто на марше ночью во время войны.

Аверьянов обернулся к Филимонову и сказал:

— Никто вас не обманывает, ясо?

И вышел из комнаты, прихватив со стола две каких-то бумажки.

Спустившись из 218-й квартиры, он сказал начальнику горноспасателей Новикову:

— Леонид Петрович, вот схемы. Проглядите их, пожалуйста. Я думаю, взрывать можно.

— «Думают» — для меня не резон, — ответил Новиков.

Аверьянов посмотрел на него, как-то жалко улыбувшись и сказал:

— Ну что же... Я приказываю, начните взрывработы.

Новиков закурил, внимательно посмотрел на Аверьянова и отдал приказ своим людям:

— Ко мне, товарищи!

И когда горноспасатели собрались вокруг него, Новиков сказал:

— Отдайте десять минут!

Потом он взял из рук Аверьянова схемы и спросил:

— Разрешите? Я попробую прикинуть, что к чему. Не забудь бы нам людей, вот в чем штука все...

ПРО ДЛО ЖЕЖЕНИЕ СЛУДАЕТ

Встречи в «Палаццетто dello спорт» собрали баскетбольных асов со всего мира. Хотя игры и затягивались порой раз до поздней ночи, трибуны никогда не пустовали.

Фото Л. Вородулина, Н. Волкова, В. Кузнецова и В. Светланова.

РИМ, КОНЕЦ АВГ

Восемнадцать дней горел в Риме на стадионе «Форо Италико» олимпийский факел. Восемнадцать дней продолжался всемирный форум здоровья и силы, в котором приняли участие тысячи молодых людей — посланцев 84 стран.

Три стремительных «ИЛ-18» доставили и берегам Тибра и наших парней и девушек. Они прибыли на XVII Олимпиаду с благородной миссией дружбы. И в упорных боях на олимпийских стадионах это вдохновляло их на спортивные подвиги. С именами советских спортсменов чаще всего были связаны в Риме слова «сенсация», «небывалый успех», «феноменальный результат». Наш гимн был на Олимпиаде самым популярным, наш флаг чаще других поднимался в небо над Римом.

Богатый урожай золотых, серебряных и бронзовых медалей собрала наша команда, многие советские спортсмены стали обладателями новых олимпийских рекордов. Кто из них выделить — гимнастов, легкоатлетов, гребцов, велосипедистов, фехтовальщиков? Мы верим, что наши ребята отдали все свои силы в честной борьбе.

Олимпийский огонь потух, но продолжает гореть факел дружбы, зажженный молодыми руками. «В наши дни, когда главной заботой человечества является сохранение и укрепление мира, спортсмены должны занять достойное место в решении этой благородной задачи», — сказал Н. С. Хрущев в своем послании олимпийцам. — Встречи спортсменов разных стран способствуют сближению и взаимопониманию народов».

На озере Альбано Вячеслав Иванов повторил свой мильбурнский подвиг. «Золотые весла» снова принесли его первым к финишу.

Вера Крепкина прыгнула на стадионе «Форо Италико» дальше всех.

2 м 16 см! Этот великолепный результат принес Роберту Шавлакадзе золотую медаль.

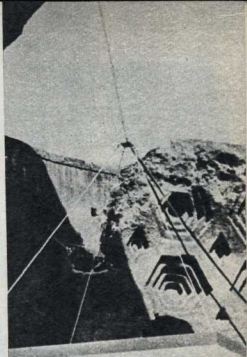
На улицах «Вечного города».

Рекордсмену Кира Джону Томасу не повезло — лишь бронзовая медаль. «Не унывай, Джон!» — утешают его Таисия Ченчин (слева) и Галина Доля.

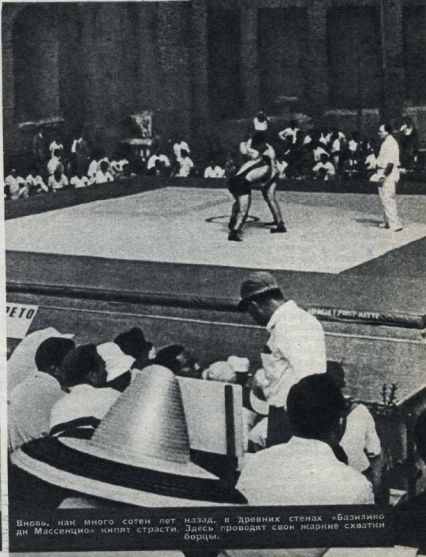
Вдали — Мальный дворец спорта.

УСТА...

Советские велогонщики произвели на олимпийских трассах сенсацию. Впереди — обладатель золотой медали Винтор Калитонов.

Вновь, как много сотен лет назад, в древних стенах «Базилика ди Массенцио» кипит страсти. Здесь проводят свои жаркие сватовьи борьбы.

В СЕНТЯБРЕ
БЕЛОРУССКОМУ
КОМСОМОЛУ
ИСПОЛНИЛОСЬ

30 лет

Летят ДЕНЬГИ В ВЕСТИ...

Г. ЖАБИЦКИЙ,
секретарь ЦК ЛКСМ
Белоруссии

Все началось с семечек. Да, да, с самых обыкновенных, подсолнечных.

Сидели как-то хлопцы в клубе на лямочках, поглядывали на танцующих и дурачили в кулаки, а из кулаков потихоньку высыпали шелуху под скамью. Потом встали, кепочки покрепче надвинули и домой направались. В это время и вошел в клуб бывший комсомольский секретарь Василий Глазудов, выпускник Горькой сельскохозяйственной академии. Вошел и ахнул: папиросный дым, кругом вороха бумажек. Какой-то парень схватывает горсть шелухи под лавку.

— А ну собери! — не выдержал Глазудов.

— С какой это радости? Ежедневно каждый старлет убирает, так да что уборщица денюжку получить будет?

— Ну, об этом мы на собрании потолкуем.

Комсомольское собрание состоялось через несколько дней в тот же клубе. И так в нем было грязно, что девчата добровольно взялись вымыть полы, навести порядок. А когда комсомольцы рассаживались в чистом, освещенном зале, Василий сказал:

— Вот так бы всегда! А что, ребята, не отказались ли нам в клубе вообще от услуг уборщиц? Будем убирать сами. А на сэкономленные деньги купим бляхи, спортивный инвентарь, больше газет и журналов выпьем.

Кудрявая девушка с задних рядов крикнула:

— Вот еще! Дома убирай, в клубе тоже убирай. Отдыхать некуда.

— Василий тебе предлагает, — подыграла библиотекарка Аня Ермакова. — Вот увидите, работы на каждого выйдет по калле, зато как здорово получится! И первая «за».

Парень в выцветшей гимнастерке добавил:

— И я поддерживаю это предложение. В армии мы сами за собой убирали. Многим из вас еще предстоит пройти эту школу. Давайте считать, что переход на самообслуживание будет для нас первой ретивцией.

Долго спорили на этом собрании. Скептики твердили, что ничего не получится. Но подавляющее большинство поддержало предложение Василия.

Составили график дежурств. Не все шло гладко на первых по-

рах. Бывало так: одна из добровольных уборщиц уберет клуб, а другая откажется. Но когда подруга продолжала работать одна, второй становилось стыдно, и она тоже бралась за тряпку.

Постепенно все четыре клуба колхоза имени Калинина перешли на самообслуживание. Ребята подсчитали, что они сэкономили на этом за год восемь тысяч рублей.

Добрые вести разлетаются по району быстро. Одним из первых перевели на самообслуживание четыре из шести своих клубов комсомольцы совхоза «Рогачевский». А теперь на Гомельщине почти каждый клуб перешел на такой метод работы. Что это означало? Сначала лишь то, что юноши и девушки во всех клубах отказались от технического персонала. Молодежь стала подлинными хозяйками клубов, занялась за чистотой и порядком, заботилась о топливе, освещении и уборке помещения. Это «лишь» далеко ни много, ни мало 100 тысяч рублей экономии в год!

Однако это не все. Переход на самообслуживание резко улучшил прежде всего качество клубной работы. Заметно возросла культура поведения юношей и девушек. Что ж, ничего удивительного в этом нет! Разве не естественно, что в клубе, вымытом, проветренном, приведенном в порядок руками комсомольцев, и кружки работают лучше, и участники самостоятельности больше, и пира актив.

Вот что крылось за отказом от незаметной штатной единицы уборщицы.

Но инициаторы комсомольцы Рогачевского района пошли дальше. «А почему бы нам не отказаться не только от уборщиц, но и от штатных заведующих клубами?» — подумали они. И комсомольцы колхозов имени Калинина, «Советских» Вязьмынского, совхозов «1 Мая» и «Заречье» решили взять обязанности платных заведующих клубами на себя.

Это начинание нашло своих последователей и горячих сторонников и в других районах республики.

Конечно, не все гладко было на первых порах. Кое-где первые клубы, как говорится, вышли комом. Без опыта, без необходимых знаний ребята неслито было наладить клубную работу, сделать ее интересной, увлекательной.

Как тут быть? И комсомольцы

нашли выход: во многих районах сейчас уже организованы и ведут регулярные занятия школы общественных профессий, в которых молодежь приобретает навыки клубной работы, учится тому, как разумно и интересно организовать свой досуг.

Каждый день из разных концов республики к нам, в ЦК Комсомола Белоруссии, поступают добрые вести о больших делах и начинаниях юношей и девушек. В Солигорском районе ребята комсомольцы организовали в общежитиях магазины без продавцов. В Зельвенском — молодые энтузиасты обеспечили работу кинотеатра без контролера. А комсомольцы Могилевской области строят клубы. В этом как будто нет ничего необычного. Однако стройки на Могилевщине особые. Здесь молодежь сама изыскивает строительные материалы, сама готовят кадры строителей. Повсеместно создаются молодежные бригады, боевые пятаки и контрольные комсомольские посты. Так строятся 300 клубов.

В 300 клубов, воспитывающих у юношества чувство товарищества, воспитывающих правильное, коммунистическое отношение к труду.

Работа комсомольских организаций Могилевской и других областей республики по строительству учреждений культуры является продолжением двухлетнего похода молодежи Белоруссии за культуру и здоровый быт. Комсомол республики недавно подвел итоги этого похода. Основные обязательства, которые были взяты комсомольскими организациями на XX съезде комсомола республики, выполнены.

Юноши и девушки республики построили 1003 клуба, 1695 красных уголков, разбили 165 парков и скверов, посадили около трех миллионов деревьев, соорудили свыше десяти тысяч спортивных сооружений, создали дополнительно сотни коллективов художественной самодеятельности.

Выполнение молодежной деятельности культуры укреплено деловыми связями комсомольских организаций с местными Советами депутатов трудящихся, с учреждениями культуры и органами здравоохранения. Комсомол Белоруссии совместно с Министерством здравоохранения при самой активной поддержке Совета Ми-

нистрова республикой провел в прошлом году конкурс на лучший населенный пункт. В ряде областей были организованы конкурсы на лучшую молочно-овощную ферму по чистоте и благоустройству, соревнования на лучший дом и двор по санитарному состоянию.

В связи с сокращением рабочего дня комитеты комсомола стали больше внимания уделять работе с молодежью в общежитиях, по месту жительства. Многие тысячи юношей и девушек Белоруссии борются сегодня за общежития, села, города коммунистического быта. В основе соревнования за коммунистический быт лежит борьба за внедрение самообслуживания, благоустройство общежитий, сел и городов на общественных началах, организация коллективного отдыха.

Комсомольцы борются за то, чтобы предметы первой необходимости можно было купить в магазинах без продавцов, ехать в автобусе без кондуктора, пойти в кино без контролера.

В наше время, время строительства коммунистического общества, как никогда раньше встает вопрос воспитания человека с высоким уровнем сознательности, с радостью отдающего все свои знания, силы и умение своему коллективу. Сама жизнь ставит перед нами эти вопросы. Проявление этих замечательных черт мы видим во всенародном движении бригад и ударников коммунистического труда, благодарном почине Василия Глазудова и тысяч его последователей.

В дни юбилей комсомола Белоруссии за знание бригад и ударников коммунистического труда республики борется более 60 тысяч юношей и девушек. И с каждым днем это движение ширится, крепнет, растет.

Выступая на III съезде РКСМ, Владимир Ильич Ленин говорил, обращаясь к комсомольцам: «Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которым должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка».

Отмечая свой сорокалетний юбилей, комсомольцы, молодежь Белоруссии говорят: «Мы отдадим все силы, чтобы жить и работать так, как заветам нам великий Ленин».

В. Стоколский. Сталенары.

ТАСС
АССОЦИАЦИЯ
ХУДОЖНИКОВ

ГЛОБУС

Выходит
один раз в месяц.

№ 6

Год издания 1-й.

СЕНТЯБРЬ 1990

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕНЫ»

Пора посылать.
«Кап-Кураге», Австрия.

Небо должно быть открытым! Но
не для Советов, там все безоблачно.
«Эвелиншигль», ГДР.

— Игак, первый раз уж закончили..

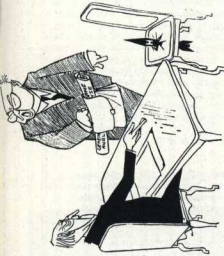
— Нью-Йорк геральд трибьюн, США.

МИР СМЕЕТСЯ

Мы живем в удивительное время. События развиваются с головокружительной быстротой: просыпаются от колониальной спячки континенты, возвращаются на Землю космические корабли, рушатся основы империалистической политики, победоносно шествуют коммунисты. Естественно, что все створы «созидательности» находят от-

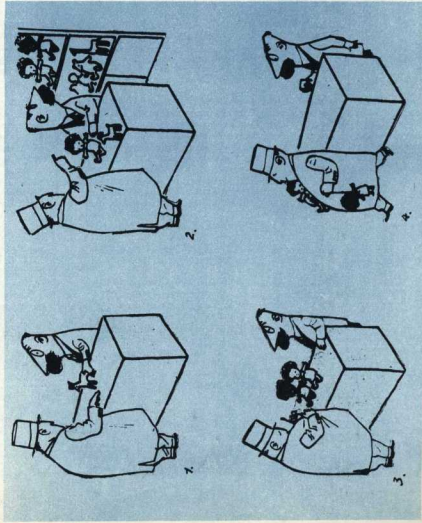
«Приунылся».

«Хостены», Албания.

Американский парламент покинул слепую Борну «Стрелы», Болгария.

— Сидетьш полюбиле, ре в Олывоказурт Фербартс, ФРГ.

Реснет в магазине игрушки.

«Мавляху», Киргиз.

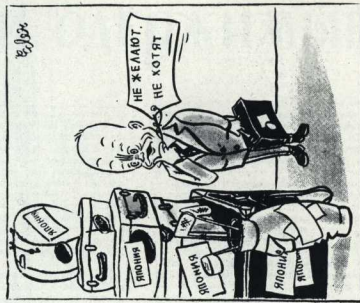
ражение на страницах мировой печати — в статьях, очерках, памфлетах, репортажах, фотографиях и, конечно, в карикатуре. «Человек с карандашом» стал обязательным атрибутом каждой газеты, каждого журнала. Крупнейшая газета США «Нью-Йорк таймс», например, дает регулярные международные обзоры в карикатурах.

Мы знаем много примеров, когда художник-карикатурист, посвятивший себя борьбе за высокие человеческие идеалы, приносит большую пользу, высмеивая недостатки, бичуя пороки и преступления. Широкою известностью завоевал прогрессивный художник Херлуф Видстрел, постоянно сотрудничавший в датской коммунистической газете «Ланд ог Фолке».

Редкий номер английской газеты «Дейли уоркер» выходит без острой карикатуры, подписанной коротким именем «Экклес».

Сегодня мы помещаем целый ряд карикатур, взятых нами из газет и журналов различных стран. Характерно в них то, что даже буржуазные издания, далекие от симпатии к Советскому Союзу и другим социалистическим странам, часто вынуждены смеяться и осуждать то, над чем смеются над теми, кто не видит прогресса, кто пытаясь остановить колесо истории — их старания, действительно, смешны! Мир протестует против тех, кто строит разговоры, чинит препятствия неодолимому стремлению человечества к миру, к счастью.

МИР ПРОТЕСТУЕТ

Неизвестный рисунок М. Ю. Лермонтова.

ОБНАРУЖЕН В 1960 ГОДУ...

Великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов известен нам не только как автор выдающихся произведений, по праву занимающих большое место в «золотом фонде» русской литературы, но и как весьма одаренный художник. В архивах поэта исследователи нашли довольно много его живописных работ. Здесь имеются и кавказские пейзажи, исполненные маслом и акварелью, и зарисовки военных сцен, и альбомные карикатуры, и беглые наброски пером и карандашом на полях рукописей. Недавно, знакомясь с материалами бывшей Библиотеки Зимнего дворца, мне посчастливилось обнаружить неизвестный нам с тех пор рисунок М. Ю. Лермонтова. Найдённые при этом документы помогают воспроизвести историю этого рисунка.

В 1873 году некая Елизавета Егоровна Назарова преподнесла Александру II принадлежавший ей рисунок М. Ю. Лермонтова.

«Прилагаемая заметка объяснит Вам его происхождение, — писала по-французски Назарова царю. — Можно навести справки у учителя рисования Лермонтова г. Солоницкого, который еще жив, но я надеюсь, что Вы поверите мне на слово. Этот рисунок — подлинно Лермонтова; в Публичной библиотеке в Петербурге есть рисунок, очень похожий на него, его тщательно хранят в витрине; подпись и дата тоже собственноручные». В приложенной к письму справке сообщается, что Солоницкий передаст этот рисунок своей ученице Ю. А. Балтус, а та, в свою очередь, подарила его Назаровой. Для большей убедительности Назарова сообщала адреса всех названных ею лиц.

Говоря о подписи Лермонтова, Назарова, очевидно, имела в виду инициалы «М. Л.». Полная фамилия Лермонтова, так же как и написанные чернилами цифра «2» и буквы «жд», написаны другой рукой и, вероятно, являются коллекционерскими пометами.

Вряд ли Александру II был приятен этот дар. Он лично знал поэта, когда был еще наследником престола, и разделял мнение двора Николая I об авторе стихов на смерть Пушкина, как человека, который «не имел ни правил, ни религии, ни высшего нравственного чувства». Рисунок был отправлен в библиотеку и там пролежал до наших дней.

Итак, перед нами — неизвестный рисунок Лермонтова, сделанный карандашом и подкрашенный акварелью. Он подписан и датирован 1833 годом самим автором. Кто же здесь изображен?

На рисунке мы видим, вероятно, кавказца. На эту мысль наводят папаху, башлык, который угадываются в неопределенных очертаниях одежды, и цвет лица: автор, стремясь подчеркнуть смуглость старика, подкрасил его щеки акварелью. В 1833 году девятнадцатилетний поэт знал Кавказ только по детским впечатлениям. Но и в Москве и в Петербурге он встречался с людьми, которые описывали ему отдельные эпизоды войны на Кавказе, рассказывали о выдающихся героях этой эпохи. В своих юношеских поэмах — «Измаил-Бей», «Алп Бастунджи», «Хаджи-Абреки» — Лермонтов, как показывают новейшие исследования, ополчился на основу сюжета подлинные исторические события. Но реалистические детали в этих ранних произведениях еще перемежаются с условными романтическими образами. Тем же чертами отмечен и этот рисунок. Перо на папаче, украшенной драгоценными камнями, так же как знак отличия, висящий на ленте, исторически не соответствует типу горца тех времен. Волевым взглядом старика и знанием достоинства позволяют предположить, что Лермонтов нарисовал фантастический портрет одного из вождей кавказских народов, о котором рассказывал поэту кто-нибудь из сведущих людей. Для окончательного определения замысла этого рисунка, очевидно, потребуются дополнительные исследования.

Э. ГЕРШТЕЙН

ДОРОГИЕ ВЫ МОИ, ОДЕРЖИМЫЕ!

Поезд шел на юг. Пассажиры уже давно перешагнулись друг с другом. Только один — молодой человек лет двадцати пяти — хранил молчание. В наш разговор он вступил неожиданно.

— Народные театры — в его голос звучали нотки сарказма. — Чепуха все это. И вредная. Страна идет к коммунизму. И гражданская доблесть состоит в том, чтобы все силы, все мечты, все вдохновение отдать работе. А вы хотите, чтобы «оттрубили» человек на службе семь часов и — айда заниматься драмами и пьесками. Ему уголь рубить нужно, швы сшивать, проекты считать. Ему надо думать, как бы завтра работать лучше, чем сегодня. А вы хотите, чтобы занимался он решением «сверхзадачи», которая стоит перед влюбленным трагиком, когда он по великому драматургу отвергает невесту...

Андрей (так звали молодого человека) говорил с искренним волнением.

— Вы уповаете на художественную самостоятельность. А знаете, к чему ведут эти упования? На работе о таком человеке начинают говорить: «Э, что с него взять — артист. Выходит так артист на сцену, и сразу слышишь: «да он такеланинк». Для дела, за которое ему государство деньги платит, человек погиб. Чуть что — освободить его от работы: спектакль играть надо. А искусство он ничего не дает. Сами понимаете, любительщина. И зачем этой любительщиной поднимать профессиональное искусство?

Андрей перебил вшедший проводник.

— Ваша станция, — сказал он.

Андрей взял с полки чемодан, рулон чертежей и, уже покидая купе, бросил:

— Народный театр!.. Варские люди, а играют в слова. Были кружки самостоятельности, так нет, название не понравилось, переименовали. Ради чего? Авторитета, что ли! Существую, существо веду не переименовалось.

Поезд остановился. Андрей вышел из вагона и деловой походкой зашагал по перрону.

Кроме имени и специальности — инженер-связист, я не знаю об Андрее ничего. Но мысли, которые он высказал, мне встречались иногда и в беседах и в некоторых письмах, приходящих в редакцию. Поэтому я решил ответить Андрею и его единомышленникам на страницах журнала.

Здравствуй, Андрей!

С нашей встречей прошло больше месяца. За это время я побывал в народных драматических театрах в Шахтах и в Сальске — это города Ростовской области. Много думал о сказанном тобой. И знаешь, чем больше я входил в жизнь этих театров, чем глубже узнавал проблемы, чувства и стремления самостоятельных артистов — продюсеров и машинистов подземных поездов, счетоводов и красношвейных, токарей и студентов, библиотекарей и шоферов — людей, беззаветно любящих театр и отдающих ему много чувств и много времени, тем больше убеждался, что ты неправ.

Ты, Андрей, еще не родился на свет, когда на сцене Дома культуры шахты имени Артема был сыгран первый самостоятельный спектакль. С тех пор здесь поставили четыреста пьес! Четыреста раз местные шахтеры отчитывались перед товарищами-горняками в том, что делали они в драматическом кружке. А делали они вот что: играли одноактные комедии и многоплановые психологические драмы, играли Шекспира и Суворов-Кобылина, Шиллера и Чехова, Островского и Катаева. Выступали они не часто. Да и задача у кружка художественной самостоятельности была другой: кружок давал эстетическое воспитание только его участникам, только их он приобщал к миру прекрасного.

Полтора года назад драматический коллектив стал народным театром. Ты думаешь, что назвали его так ради авторитета? Нет. Ты пойми, Андрей, что народный театр — принципиально новая, вышедшая форма самостоятельного творчества.

Спектакли народного театра отнюдь не отчета о проделанной работе. Это произведения искусства, созданные страстными любителями. Здесь уже идет разговор о воспитании и художественном обогащении не только участников спектакля, но и зрителя. И если драмкружок выступал от случая к случаю, то народный театр выступает постоянно.

Шесть пьес поставили в Шахтах за полтора года существования театра. Здесь «Коварство и любовь» Шиллера, «Курбукская Ганя», здесь и «Любовь Яровая». И что характерно: за это время театр сыграл около 120 спектаклей, которые посмотрело почти 70 тысяч зрителей.

Но и это еще не все. Отрыжки из спектаклей, специально подготовленные сцены явились отличными иллюстрациями лекциям в университете культуры.

Я предвижу, что ты, Андрей, скажешь: «Вот-вот! Играют, репетируют. А когда и как работают?»

— Однажды я поднимался с нижнего горизонта шахты имени Артема в то время, когда кончилась ночная смена. В стрелительном мачеевской клетки я стал свидетелем такого разговора.

— Можете, порепетируем прямо сейчас? Сцена-то наверняка свободна.

— Точно... А то вчера никак не клеилось...

Так говорили между собой один из «морячков» шахтерской самостоятельности, продючер Евгений Машинцев, и самый молодой член актерской сцены машинист электроваоз Слава Романенко.

И они отправились репетировать, урвав время у собственного сна. Разве тебе не понятны их чувства, Андрей? Разве ты никогда не отказывался от сна потому, что где-то внутри пело счастье? Разве тебе не знакомо то состояние, когда можно померкнать всем ради того, чтобы мстину своего счастья передать людям?

Ты говоришь: «Это в ущерб главному — в ущерб работе». Но Евгений Машинцев — член бригады коммунистического труда. Почти все артисты — рационализаторы. С такой точки зрения это парадокс. На самом деле это закономерно. Закономерно потому, что театр воспитывает в людях жажду к постоянному творческому поиску. Закономерно потому, что театр не терпит лениости мысли.

Я приведу тебе еще простой пример.

На одной из репетиций — готовили «Любовь Яровую» — произошел такой случай. У Славы Романенко сцена явно не получалась. Его герой должен был принести радостную и волнующую весть: «Наши торжурь взяли!» Но не было у Славы ни радостного порыва, ни смартельной усталости. Дыхание у него было спокойным, а голос звучал ровно. Репетировали раз. Другой. Третий. Время шло, а дело не двигалось. Режиссер был недоумен. Недозволен был и сам Слава. Ведь это так обычно, когда не можешь сделать то, что необходимо!

Прошло несколько минут, и вдруг в комнату ворвался Слава. Это был тот самый моряк, ко-

В спектакле «Коварство и любовь» на сцене Шахтинского Дворца культуры участвуют самые молодые артисты самостоятельности — машинист подземного электропоезда Слава Романенко и повар Людмила Горбатова.

Сцена из спектакля «Стрелуха» в Сальском народном театре. В роли Галыны — бухгалтер Татьяна Хурина. Чайку играет шофер Николай Зинченко.

того здесь так ждали. Радостное волнение было написано на его лице. Отчаянная усталость чувствовалась во всей его фигуре: а том, как прислонился к косяку двери, в капелках пота, которые выступили на лбу. Еще переводя дыхание, он произнес заветную фразу: «Наши торжумь взайн!»

— Молодец! — почти закричал режиссер. — Ты нашел состояние своего героя.

Слава нашел это состояние не по законам сценического мастерства. Мастерства и опыта у него еще нет: в коллективе он год с небольшим. Но, приняв задачу работы мысли, он придумал победу с первого атака на третий. Он пробежал раз, потом другой. Еще и еще. Он поднимался бегом по лестнице и вновь спускался до тех пор, пока не вылился из сил. И только тогда он решился войти в репетиционный зал.

Вот, Андрей, простой пример. Пример того, как человек в театре приучается к постоянному творческому поиску. Этот творческий поиск уже является для него потребностью. Человек становится искателем нового, более совершенного, прекрасного. Этим он живет. И дома, и в театре, и на работе.

Ты говорил о коммунизме. Но разве человек будущего сможет замкнуться в рамки только одной профессии? Конечно, нет. Круг его интересов будет куда шире, чем сейчас. Его духовные потребности будут удовлетворены увлечением, и профессиональ, и наукой, и спортом, и обязательно искусством.

Должен сказать тебе, что, упрекая самодеятельность в любительстве, ты вновь оказываешься неправым. Самодеятельность — родная сестра дилетанства. А артисты народных театров отнюдь не дилетанты в искусстве. Каждый из них изучает и теорию актерского мастерства, и технику речи, и историю театра, и пластику. Ты человек техники. Ты отличаешься тем, что дилетант не может сконструировать новый станок, ему не создать новой схемы цветного телевизора. Так как же можно называть дилетантами людей, играющих трагедию Шекспира? Как может ужиться понятие «любительство» с понятием «искусство»? «Человек с ружьем», над которой сейчас работают в Шахты!

Нет, о любительстве здесь не может быть и речи. А вот назвать родной театр любительским вполне правомерно. Ведь «любитель» происходит от самого замечательного слова на земном языке — «любовь». Я пишу сейчас об этом потому, что понятие «любительский театр» наиболее полно определяет сущность коллектива, с которым мне суждено было встретиться в Сальске.

Много общего у Сальского народного театра с театром шахтерским. Но много у них и разного. Как настоящие творческие коллективы, они несут в своем искусстве печать ярко выраженной индивидуальности. Театр в Шахтах готовится к спектаклям большого масштаба. Сальчанам больше по душе камерный репертуар. И это понятно. В театральном коллективе Шахт почти сто артистов, а в Сальске — всего двадцать пять.

Недавно я послал им письмо. Рассказал, что есть в Москве Государственная театральная библиотека, которая с удовольствием будет высылать им новые пьесы, а то мучаются народные театры из-за того, что не знают, где разыскать репертуар. Это письмо я начал словами: «Дорогие вы мои, одержимые...»

Андрей, они и впрямь одержимы любовью к искусству.

Я был в Сальске в самый разгар полевых работ. Артисты чувствовали себя мобилизованными. Каждый вечер они играли перед колхозниками. Играли на всех построенных около ферм подмостках. Играли на полевых станках. Порой приходилось проделывать в трясутенце на сальских дорогах кузове грузовика полтора километра за день. Но ты бы посмотрел, с какими чувствами уезжали артисты на спектакль! Они знали, что ни ждуть, что они принесут радость. И еще: они знали, что несут в село культуру.

В знаменитом колхозе, которым руководит депутат Верховного Совета СССР А. Чкаловский, сальчане играют пьесу А. Софроню «Стрелухи». Хорошие, добрые люди говорили с колхозниками со сцены. И каждый, кто сидел в переполненном зале, глубоко задумывался о духовной красоте человека.

Николай Зинченко на своем «ГАЗе».

Героиня «Стрелухи» Павлина — Маргарита Ищенко.

Наступил антракт. И кругом такие разговоры: «А Бригадир-то в лысе, знаешь его? Зинченко Николай, шофер, что нам тес привозил». Или: «Дед-то, дед какой! Колым Евтушенко! Оказывается, артист. Молодой совсем, а как старика играет! Когда спектакль кончился, у входа на сцену зашел разговор колхозников и артистов о судьбах героев, о достоверности драматургических положений, об авторском замысле. У кого-то возник весьма практический вопрос: «Почему вы говорите комбайнер, а не комбайнёр. У нас всегда — комбайнёр». И завладела оживленной беседой о правильном произношении слогов вообще.

Нужны ли комментарии к этому? Надеюсь, Андрей, тебе и так все стало ясно.

Пишу я тебе и думаю: прочтут ли мое письмо в Сальске? Очень этого хочется. Хотелось бы поддержать моих дорогих одержимых. И знаешь, почему? Да потому, что нашлись в городе хозяйственники, думающие точь-вточь, как ты.

Три гордости есть сегодня у Сальска: совхоз «Гигант», колхоз имени Сталина и народный драматический театр. О совхозе и колхозе заботятся, а вот театру помогают мало. Помещение у него плохое. Крыша над сценой вот-вот рухнет. Потолок в зрительном зале протекает.

Есть и другая трудность. Наступило время

спектакля. Пора давать звонки. Но собрались не все артисты. Нескольким человек оказались занятыми на работе. Ты думаешь, потому, что этого требовали интересы производства, интересы выполнения плана? Совсем нет. Переизбыток всех артистов народного театра на работу в одну смену проще простого. Но у некоторых сельских хозяйственников отношение к театру наиважнейшее. Почему? Вероятно, от недомыслия или недостатка культуры, а скорее из-за синтеза этих далеко не доблестных качеств. Мне пришлось познакомиться с человеком, который, узнав, что его сотрудник Ищенко играет в театре, заснонал от него дозвания. Фамилия этого человека — Могилкин. Что он должен делать по долгу службы? Ходить и лелеять самодеятельное творчество: он председатель фабкома Сальского лесомобельного комбината! Практически он вредит самодеятельности. Но мне очень хочется верить, что Могилкину не дадут похоронить замечательный порыв людей, вступивших на стезю искусства!

Для них, самоотверженных и одержимых, для тысяч и тысяч их зритель народных театры стали оазисами культуры. Они стали большим праздником человеческой души.

Что ты ответишь мне на это, Андрей?

Бор. СЕМЕНОВ

Шахты — Сальск, Ростовской области.

Фото автора.

Люся Горбатова на работе.

Роль веселого гармониста Пчелки исполняет инспектор районного отдела культуры Володя Сиротин.

десятки по натуре своей романтики, с богатой фантазией. На каждый случай жизни у них припасена история, в которой порой трудно бывает отличить правду от вымысла.

Когда я наблюдал за тренировкой футбольной команды одесского СКА, болельщики с горечью рассказали мне о письме, которое получил «один знакомый товарищ» от центрального нападающего армейца Вячеслава Першина. Говорили, что Першин писал о том, что его с радостью приняли в московский «Спартак» и что «начхать ему теперь на всю Одессу». Футболисты СКА добавляли к этому слова Першина, который, уезжая из Одессы заявил: «Не видя ни света, если я нам не попорчу чем на зеленом поле...»

Близкое знакомство со спартаковцами позволило мне прямо, без обиняков задать вопрос начальнику команды «Спартак» о Першине. Но я решил, как говорится, пометить... — Николай Петрович, поздравляю вас с пополнением!

— Спасибо! Но с каким?
— С центрофорвардом Першиным!

И тут я понял, что история с письмом возникла потому, что одеситы ценят 23-летнего центрального нападающего армейской команды. Он был их спортивным кумиром. И сейчас, когда их кумир покинул Одессу, они искали причины, приведших Першина к побегу.

А произошло все довольно просто. Першин — техничный, физически крепкий футболист, имевший талант быстро разбираться в игровой обстановке. Могли бы тренеры не учитывать этих качеств молодого футболиста? Коллектив как бы авансом возлюбил Першина, и он стал играть в команде первую скрипку. Однако шли дни. Коллектив армейцев набирал очку, хотя случалось и проигрывать. Чтобы выяснить причину неудач, не надо было выпадать из сложившейся динамики. Стоило только посмотреть протокол, где рядом с фамилией Першина значилась жирная двойка, как все становилось ясным.

Что бы там ни говорили, а в футбольном коллективе «и один в поле воин». Во всяком случае, как шербаник на одном из кубков шестеренки вызывает неточность хода часов, так и «вазубринка» в поведении одного спортсмена влияет на четкость и синхронность действий футбольного коллектива. За последние годы совместной игры футболисты привыкли, или, как говорят, «притираются» один к другому. В этом сила команды, залог ее успеха.

Пристрастие Першина к выпивкам и было той «вазубринкой», которая давала сбои в отрегулированном механизме команды. По требованию тренеров и коллектива руковод-

ство одесского СКА несколько раз наказывало Першина: он изгонялся из команды. После этого Вячеслав становился, что называется, шелковым. «Помогло», — думали товарищи, и Першин возвращался в коллектив. Стоило, однако, Вячеславу хорошо провести две-три игры, как «вазубинная» история начиналась снова.

Повторяем: так было много раз. Ничто не помогало. Першин бесстыдно относился к товарищам, ни в грош не ставил мнение тренера. И терпению пришел конец. Городская секция футбола, с согласия команды СКА, решила дисквалифицировать Вячеслава Першина и просить Федерацию футбола СССР лишить его звания мастера спорта.

Першин сам смеет мосты, которые строил для него друзья. Он покинул Одессу. Кто-то из сочувствующих Першина выдумал историю с письмом. Как это бывает, историю подхватили, а богатая фантазия болельщиков окаймилась ее новыми подробностями, вплоть до таких: «Если бы Першина не пригласил московский «Спартак», он бы покатился. А мы в Одессе сделали бы из него второго Федотова».

Увиден Вячеслав Першина

После одной из тренировок я разговаривал с Виктором Метельским — ветераном команды одесского СКА. Он подробно рассказал о взлетах и падениях Вячеслава Першина и расценил его теперешние возможности не так, как темпераментные болельщики.

— Не думаю, чтобы Сланку взял «Спартак». Зачем им такой? Мат в него ввалил, он подвел нас. Ничего, обойдется без Першина. Такие никому не нужны!.

Нет, оказывается, еще нужны!

Не стоило бы и вспоминать об истории футболиста Першина, если бы он не оказался в другой команде класса «Б». Да, да! Ответственность Одессы была возложена, узнав, что в Луганске против своих бывших одноклубников за команду местных «Грудовых резервов» выступал Першин. Матч этой одесской футбольной не проиграл. Но то, что Першин оказался в Луганске, говорит о нечестности ряда руководителей команд, которые в погоне за очками собирают под свое крыльшко гастролеров и плянчик, не задумываясь при этом, какой вред они приносят советскому спорту.

Вот куда, оказывается, направил свои стопы Першин! Вот где нашлись добрые люди, для которых не имела никакого значения характеристика целого футбольного коллектива.

Что ж, поступок луганских спортивных руководителей достоин осуждения. Но не только они решили судьбу Першина. Им противостояла Федерация футбола УССР. Здесь получила решение одесской футбольной секции, но в Киеве не посчитались с мнением общественного органа. С Олимпа, говорят, вышле!

Но всегда ли?

А. ЛЕОНТЬЕВ,
мастер спорта

Одесса.

«ОСТОРОЖНО, БАБУШКА!»

Несколько лет назад режиссер И. Кошеверова побывала в одном районной области. Там ее привлекло строительство дома культуры. На помощь строителям тогда пришли пенсионеры: они решили показать молодежи, как нужно работать.

И Кошеверова рассказала об этом случае кинодраматургу К. Исаяву. А через некоторое время комедийный сценарий «Осторожно, бабушка!» лежал перед режиссером студии «Ленфильм».

В главной роли снимается народная артистка республики Г. Равенская. — Я рада! Очень рада своей роли. Давно мне хотелось сыграть такую вот бабушку, — рассказывает Фанна Григорьевна. — Правда, характер у моей героини не из легких — ведь надром при ее приближении всеяк преисподнее: «Осторожно, бабушка!» Но это характер интересный, яркий, неумолимый...

Надо сказать, что характер бабушки сродни и самой Фанне Григорьевне: работоспособность, юмором заражает весь творческий коллектив. Чтобы обходиться без дублера, 64-летняя актриса выучилась водить автомашину.

Режиссер И. Кошеверова, которая ставит этот фильм, начинала работу в кино с комедий — с известной всем «Аринки». Затем ею были поставлены фильмы «Червоникова» и «Золушка», комедии «Урогителыни» и «Медовый месяц», «Шофер поневоле». Пусть режиссер не все удалось в этих картинах, однако всегда это были поиски, неотступная любовь к своему делу. И не случайно она является следующим фильмом Надежда Николаевна снова называет комедией.

Пока самым сложным для меня является фильм «Осторожно, бабушка!» — говорит она. — Чего греха таить, среди части нашей молодежи еще очень живучи индифферентные настроения. В фильме много па, параллельных сюжетных линий, немало сложных, требующих изобретательности съемок. И мне очень помогает оператор С. В. Мезенко.

Помимо Г. Равенской, в комедии снимаются артисты А. Шенгеладзе, Н. Удальцова, С. Карионов, Ю. Панин, Р. Бланко, Е. Уварова, С. Филиппов. Музыка написана В. Соловьевым-Седым.

ЭТОТ ФИЛЬМ ВЫ СКОРО УВИДИТЕ

НЕПОЯВЛЯЮЩАЯСЯ ЛЕБЕДА

Ю. БАБИКОВ

На ударной комсомольской стройке — Днепротрестовском шинном заводе — я познакомился с хорошими, боевыми парнями и девчатами, видел, как они живут и работают, был свидетелем их многих замечательных трудовых достижений. Но не об этих дожитых пойдет речь, а о том, как молодые строители отдыхают после гудка, как организуют свой досуг.

ИСПОРЧЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Окончился концерт художественной самодеятельности Дома культуры. Ребята поднялись со своих мест и шумной ватагой выжились к фойе.

Но двери в фойе были наглухо закрыты. По коридору ходил сторож с ключами и на все вопросы отвечал:

— Ничего нет. Ничего не знаю. Приказано закрыть.

Еще не было и десяти часов. Все вышли на улицу. Кто-то предлагал пойти «посмотреть по маленькой», кто-то совещался, как «убить» оставшихся до сна время.

— Если бы знала, что будет такой вечер, осталась бы дома и вышивала, — с горечью сказала Тамара Руднева, бригадир шпугаткуров.

— А мы-то думали: повеселимся, потанцуем, — чинило протесту ее подруга Алла Маева, бойкая комсомольская девушка.

— Вот так всегда у нас проходит вечера, — говорила Тамара. — Можно подумать, что они организуются для стариков.

Может быть, произошло недоразумение? Но на другой день в конторе рассказали все мои сомнения.

— Это мы дали команду в десять часов закончить вечер. Еще, чего доброго, утром проспал...

А вид этого вечера ждали, и нему готовились. Многие юноши и девушки учатся в школах рабочей молодежи, в вузах и техникумах. Свободного времени у них в обрез. Не мудрено, что им было очень досадно, когда несколько часов, выкроенных для отдыха, пропал даром.

Сейчас строители завода переходят на семичасовой рабочий день. Еще один лишний час для отдыха. А как его занять? Что следует предпринять, чтобы увеличивающееся свободное время молодежи было занято интересными, полезными, увлекательными делами? Пока еще об этом никто не думал. Правда, в общежитиях есть специальные люди, которые должны заботиться о досуге молодежи. Но кто они, эти люди?

ЗАГАДОЧНАЯ ФИГУРА

— Воспитатель мужского общежития Василий Черныгин, Лебедев, — откровенно говорил мужчина лет тридцати.

Он и оказался тем «специальным» человеком, который должен помочь юношам и девушкам правильно использовать свое свободное время, подсказать, чем заполнить его.

Мы разговорились. Лебедев ровным, сухим голосом рассказывал о делах в общежитии, сетовал на комсомольскую и профсоюзную организации, которые не помогают ему и бытовому совету в работе.

— Народ у нас молодой, — повышая голос, говорил он. — Многие приехали из деревень и культуры у них совсем низкая. Кроме танцев, их ничего не интересует.

По словам Лебедева выходило, что все его попытки наладить интересные мероприятия не получали поддержки. Он-де организует вечера и лекции, а их плохо посещают.

— Я однажды взял и после лекции акрал клуб, — доверительно сообщил он. — Обиделся. «Теперь совсем перестанем ходить на лекции». Но ничего, на следующий день пришли, танцевать-то хочется, — с довольной усмешкой закончил он.

Я ушел от воспитателя, так и не поняв, заботится ли он об отдыхе молодежи или, наоборот, мешает ей отдыхать.

Пожай я несколько раз встречался с Лебедевым, о многом с ним говорил. Расспрашивал о воспитании, о его работе в общежитии. И силу открыто высказывал свое мнение. И к удивлению моему, реакция на мое замечание оказалась странной и загадочной. Что он делает в общежитии? Какие у него функции и обязанности? Может быть, это тыл комсомола? Хранишь ключ от клуба в красном уголке? Кто он воспитывает и как?

У Лебедева среднее образование. Ребята, которые учатся в вузах и техникумах, уже во многом переросли его. Для парней с семилетним высшим образованием он, как старший по возрасту, возможно, и годился бы в наставники. Но вот беда: глубокой систематической воспитательной работы он вести не может. У него нет специальной педагогической подготовки, практики. Вся деятельность Лебедева сводится к тому, чтобы на каждый день очень испорченно ходить на работу в костюмах, разнести их по комнатам и раскладывает в красном уголке, по вечерам включает телевизор или радиолю, проходит по комнатам, смотрит, чисто ли в них, следит за тем, чтобы на занятиях парней и девушек не выключили «по-стальному». Спрашивается, нужны ли для этого штатная единица, воспитатель? Ведь все перечисленные обязанности с успехом могут выполнять члены бытового совета и санитарной комиссии.

Однажды я случайно разговорился с воспитателем тридцатого мужского общежития 17-го стройтреста. Он сказал мне, что, если бы в помощь воспитателю дали массовиков, отдых молодежи можно было бы поднять на большую высоту.

Нет, конечно, не штатные массовики, эти скучные комедианты, нужны молодежи. Молодость — вот лучший затаенный и массовик. Сколько веселых, остроумных, жизнелюбивых, талантливых парней и девчат работает на стройке! Их надо организовать, подсаживать к тому, что и как делать, и они смогут творить чудеса. Комсомолу, а не массовикам нужно братья за отдых молодежи, браться смело, решительно, с комсомольским задором и оговком.

Однако у воспитателя — не прайдинг. Наличие воспитателей в общежитиях успокаивает многих комсомольских вожаков, порождает безразличие к досугу молодежи, прожигающей там. «Раз есть воспитатель, значит, пусть он о досуге и заботится. Он ведь за это должен зарплату получать», — рассуждают они. В этом я лишний раз убедился, побывая у днепротрестовских строителей. Большинство членов комсомольского комитета, в том числе и секретарь комитета строительства шинного завода Александр Тимошенко, живут здесь, как в общежитии, и посещают вечера, организованные Лебедевым, и... мирятся с ними. А не лучше ли сделать так: ликвидировать в общежитиях должности воспитателей и заботу об отдыхе молодежи возложить на комсомольских активистов и бытовые со-

веты? С кем бы я ни заговаривал об этом, все единодушно отвечали:

— Давно пора. Броським людям низкий не нужен.

Но вот решается этот вопрос почему-то очень медленно.

Кто же виноват в том, что молодежь ударной комсомольской стройки после окончания работы довольно часто не знает, чем ей заняться, и вынуждена развлекаться по принципу «кто во что горазд»?

ВОПРОС, КОТОРЫЙ ТРЕБУЕТ ОТВЕТА

Секретарь комитета ВЛКСМ Шаха Тимошенко — молодой и еще не очень опытный комсомольский работник. Но зато у него очень много энергии и стремления к организации интересного досуга молодежи. Но этим надеждам молодых строителей пока осуществиться не удалось. Городские комсомольцы плохо знают дорогу на шинный завод, а многие из них даже не подозревают, что числятся его шефами.

Их очень ждал на стройке. Ждут от них помощи в налаживании комсомольской работы, в привлечении в организацию интересного досуга молодежи. Но этим надеждам молодых строителей пока осуществиться не удалось. Городские комсомольцы плохо знают дорогу на шинный завод, а многие из них даже не подозревают, что числятся его шефами.

Днепротрестов — крупный культурный центр. В его театрах, студиях, филармониях, Дворцах культуры занимается немало способной творческой молодежи, комсомольцев. Если по-настоящему позвать их на стройку шинного завода, то их обязательный труд, помогут строителям наладить хороший, культурный отдых.

Стоит упрекнуть и самих комсомольцев, активистов стройки: нельзя сидеть сложа руки в ожидании, когда кто-нибудь придет и все за вас сделает! Я убедился, что молодежь на стройке любит спорт, искусство. В мужском общежитии есть гири и штанга. Каждое утро возле них собирается нетерпеливая толпа «силчаев». Вечерами любители волейбола, а также любители переносить в спортзал много пустующей земли. И никому — ни любителям спорта, ни комсомольскому комитету — не приходится в голову своими силами построить спортивный городок.

Среди строителей завода есть свои таланты — музыканты, певцы, танцоры, поэты, художники. Но пока в комитете комсомола не знают даже имен этих людей.

Когда я ехал на стройку, один молодой рабочий-металлург сказал мне:

— У нас строителей шинного считают героями.

Героями!.. Да, такие они мне и запомнились.

Пройдут годы, возмужают, повзрослеют нынешние строители шинного завода. С большой теплотой будут они вспоминать свою ударную комсомольскую стройку, где начались их боевые юности, товарищ, которые своим самоотверженным трудом вписали славную страницу в историю борьбы Ленинской комсомольской молодежи за выполнение семилетия. Но кто сможет для них в такое же теплое время вспомнить интересные, веселые молодежные вечера, увлекательные туристские походы, разнообразные спортивные соревнования, которые проводились в их коллективе, смогут ли сказать, что именно там, на стройке шинного завода, их научили по-настоящему любить искусство, привили вкус и постоянное, систематическому пополнению своих знаний?

Ответы на эти вопросы пока нет.

ОЛОВА ЗА НЕВИДИМЫМ ВРАГОМ

Энцефалит — одно из самых тяжелых заболеваний. И представлять себе, насколько чепело заразились этой болезнью именно там, где человек может наслаждаться природой, наблюдая ее в чистом, нетронутым виде, — в густом лесу, тайге. Да, именно здесь притаился крошечный клещ, носитель фильтрующего вируса — возбудителя клещевого энцефалита.

Укус клеща коварен: он безболезнен, его трудно почувствовать. А через некоторое время у человека, в кровь которого попал вирус, появляются сильные головные боли, сопровождающиеся судорогами и потерей сознания, психические расстройства и, наконец, паралич. Человек умирает...

Собственно, сам клещ — всего лишь переносчик заразы. Напившись крови больного животного, он получает от него и вирус. Этот вирус может жить в организме клещей долгое время. Таким образом, в лесах постоянно существуют природные очаги клещевого энцефалита. И чем дальше проникает в глубь тайги человек, тем опаснее для него может оказаться встреча с клещом, тем вероятнее, что он может стать жертвой инфекции.

Изучить сложные условия распространения клещей, выявить наиболее опасные территории — вот та задача, с которой отправилась наша экспедиция в леса Алтая. В ее составе много молодежи — выпускников и студентов Московского университета. ...Алтайское село Кебезень на

берегу Бия, в 20 километрах от Тельцкого озера. Бия — ледяная, кристально чистая река, «неувержимава», как говорят алтайцы. Каждый день в тайге в любую погоду, с раннего утра до позднего вечера, идут напряженные исследования. Участники экспедиции ловят и отстреливают зверьков и птиц, на которых можно обнаружить личинки клещей, роют ловчие канавки, ставят ловушки. Дальние маршруты сменяются кропотливой обработкой собранного материала в лаборатории.

Дни проходят за днями. И каждый из них приносит исследователям много нового.

Но бывают и трагические случаи: однажды клещ укусил сотрудницу экспедиции. Притянувшись, клещ держался в коже так крепко, что его с трудом вытащили пинцетом.

Опасна, утомительна, но и увлекательна работа в экспедиции. Постепенно, как результат кропотливых исследований, выявляются зараженные места леса. Санитарно-эпидемиологическая станция опылает эти места с самолетов Дустом, обрабатывает скот специальной эмульсией, предупреждает об опасности население.

Но все это лишь профилактические меры. Разработка же радикальных способов борьбы с клещевым энцефалитом — основная задача экспедиций и ученых, работающих в этой области.

Юна ДРОЗДОВА,
начальник Алтайской противоэнцефалитной экспедиции

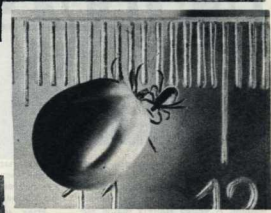

Фото Н. Исаиловой.

БОЛЬШАЯ ДОРОГА

Мелькает километровой столбами заезженное до блеска асфальтовое полотно. Светлячками мерцают впереди огни встречных машин. А через минуту фары яркой вспышкой ломаются в автостеке и гаснут сотнями мельчайших звезд. Захлестывает кабину по-осеннему влажный ночной ветер, прилетающий с безбрежных полей, из гуляек лесов. Вегут, бегут километры, отбрасывая назад нескончаемую большую дорогу...

КТО, КУДА И ЗАЧЕМ!

Из-под машины видны только две ноги, крепко упершиеся в землю. Потом впереди мной появляется замасленный комбинезон, красная кобачка, упрямый подбородок, веселые с хитринкой глаза, прямые непослушные волосы. Человек протягивает руку. Мы знакомимся.

Борис Черкасову двадцать пять лет. Он шофер вторых Куницкой автоколонны треста грузовых перевозок «Мосблатуправление». Борис ходит в разные рейсы: в Ленинград и Одессу, Рыльск и Тбилиси... Таких водителей называют тракторщиками.

— Иду в очередной рейс,— говорит мне Черкасов,— Москва — Житомир — Львов — Черновицы. Груз с московского завода «Динамо».

И пока я настраиваюсь на разговор по душам, парень забегает под машину...

Грузовой автомобиль «ЗИЛ-150», на котором работает Черкасов, давно уже сошел с заводского конвейера. Машина набегала на одну

сотню тысяч километров. Но выглядит старушкой так, что ей мог бы позавидовать многие младшие ее собратья.

Итак, мы собираемся в дорогу. Борис проверяет машину, принимает груз (семь тонн — идем с прицепом), а я готовлю к «бою» фотоаппарат.

ПОЛЕТАТ ЛИ ШОФЕРЫ В КОСМОС!

Из Москвы мы уезжаем под вечер. Смокает шум городских улиц, уходит назад светлое зарево столицы. Впереди Минское шоссе — одна из самых больших асфальтовых рек страны.

Грузовые «МАЗы», «ЯЗы, ГАЗы, серебристые автобусы-междугородники», юркие легковые машины... Почти с равными интервалами навстречу летят одна за другой аккуратные белые машины с усеченным носом и обтекаемыми цистернами.

— Коробы на колесах,— улыбается Борис и, поймав мой недоуменный взгляд, поясняет: — Новые машины для перевозки молока. Недавно появились на дорогах.

Вегут, торпосаясь разные машины с разными грузами...

Каждый месяц, каждый год их становится все больше и больше. Хочется назвать несколько цифр. В 1940 году в Советском Союзе авторанспорт перевез 856,6 миллионов тонн груза, в 1950 году — 1 миллиард 859,2 миллиона тонн,

в 1958 году — 6 миллиардов 484,4 миллиона тонн. А за семилетку грузооборот должен увеличиться почти в два раза.

Если разложить этот груз по экватору! — Впрочем, для этих цифр уже не подходит обычные географические сравнения. Тут более уместно что-нибудь космическое, например длина пути нового нашего корабля-спутника.

О спутниках и начинается наш разговор с Борисом.

— Читали «Комсомолец»? — спрашивает Борис. — Я о том письме, в котором один парижанин написал, что, дескать, спутник запустили, а он как был должен прыгнуть в деньки, так и остался... Дескать, не холодно ему от спутников и не жарко.

— А мне вот жарко было,— продолжает он после небольшой паузы.— Когда первый спутник запустили, думал: будет или нет брать шоферы в космические рейсы! Обязательно будут,— продолжает Борис уверенно.— И, конечно, нас, тракторных. Мы ведь к большой дороге привыкли. Подучиться только нужно будет. И станем мы космонавтами-тракторщиками. Первый рейс — Москва — Луна...

...Крутой поворот возвращает водителя к земным делам. Борис умоляет. Мягко притормаживая, он переключает скорость. Но молчать в кабине в одной кабине невозможно. Мы еще говорим о спутниках, о кинокартинах, о новых марках машин и просто о разных житейских делах. А впереди уже сверкает огонь Вязьмы — первой нашей остановки.

ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Утром после заправки Борис, напевая старушка тоже хочет жить!», долиняет воду в радиатор, укрепляет груз, проверяет масло. Потом садится в кабину, заводит мотор, но, посмотрев в окно, недовольно хмыкает, достает тряпку и идет мыть машину.

Может быть, это и мелочь — то, что я наблюдал, но, наверно, в таких мелочах проявляется отношение человека к своему труду. Борис работает на этой машине уже три года, получил от ее не новой, однако все время машина ходит отлично.

Секрет? Он прост: любовь к «старушке», внимательная и тщательная подготовка к рейсу, бережное отношение к машине в пути. А я видел на дорогах и ликачей, идущих с грузом на непроизводительной скорости, и бездушных водителей, бьющих автомобили на ухабах объездов, слышав разговоры в столовых — «дотнуты бы только до дома»...

Главное в работе Бориса — профилактический ремонт после рейса. По почину Березина, передового шофера Куницкой автобазы, Борис решил работать от ТО-1 до ТО-2 без зазвонного ремонта. ТО — это технический осмотр машины. Между первым и вторым осмотрами — многотысячный пробег. По существующему порядку после рейса водитель дает заявку на ремонт, который выполняет работники автобазы. Березин предложил проводить этот ремонт само-

ми силами — силами шоферов. Результат — десятки тысяч рублей экономии, минимальный простой грузовика в гараже.

...Остаются позавд Вязьма, Москва, Черногол, Киев, Мш в Житомир. Здесь у Бориса первая разгрузка — электромоторы для строящегося цементного завода.

Стройка за городом, на опушке соснового бора. Дорога в букавином саду свертывает в крутую, искривляется на солнце песке. Машина, тяжело урча, поднимается на прогору. А вот и завод...

В маленькой прокуренной комнате строители, инженеры.

— Московские моторы! Здорово! Спасибо, друг!

Борису крепко пожимают руку, и по его улыбающемуся, смущенному лицу видно: он и сам испытывает большую радость.

Из Житомира решают идти без остановки до Львова. За Ровно я начинаю сокрушаться:

— Что же это такое, Борис! Доехал почти до Львова — и ни одного, хоть самого маленького приключения...

— Еще не доехали, — отвечает Борис и, поморщившись, ставит машину на обочину. Мотор гложет, и сразу становится удивительно тихо.

Борис возится почти час. Окоро не поочередно останавливаются ленинградки, киевляне, таллинцы...

— Загораем, братцы!

Борис молчит, я неопределенно пожимаю плечами.

Шоферы обычно в такие паузы закуривают и, не спеша, подходят к мотору. Начинается обмен мнениями в непонятных для меня технических и других выражениях.

Понятно одно — хорошая товарищеская помощь.

— Все ясно. — Борис вытирает тряпкой замасленные руки. — В бочку с бензином попала вода. К тому же отказал бензонасос. Но это не страшно.

Борис лезет в узел, сбрасывает сверху тонкий шланг и пускает бензин прямо из запасной бочки в карбюратор.

До Львова доедем, а там отремонтируем попутательней.

Мы снова выезжаем на дорогу. Я ископаю смотрю на Бориса, а он внимательно глядит вперед, податливо покачиваясь в ритме движения машины.

Я потяжкомую засыпаю и просыпаю уже на повороте с большой указательной стрелкой «Львова».

МНОГО «НО»

До сих пор я умышленно старался не ставить в своем рассказе ни одного «но». Но, к сожалению, их очень много — досадных и порой очень обидных — но на большой дороге шофер-тракториста.

Средняя продолжительность обычного рейса водителя-междугородника — 7—10 дней. Где-то далеко остается дом, родные. Зимой и летом, а снег и жару идут по дорогам тысячи грузовых машин. Работа водителя в пути требует постоянного внимания, большого физического напряжения.

А значит, нужен и отдых. Но этот отдых не подготовлен. В столовой или чайной водителя встречают тепловатый и невкусный обедом. План здесь выполняю не издалека кулинарии, а напиткими большой крепости. К примеру, в взвзвском буйете в восемь часов утра не было ничего, кроме булочки, зато на полках сверкала целая батарея водичных и коньячных буталок...

Попав в водителю в гостиницу — дело невероятного везения: обычно шоферы спят в кабине. Большие автомагистрали жаждут скорейшей постройки перевалочных пунктов. Типовой (именно таковой) проект такого пункта должен предусматривать общежитие с небольшими комнатами, столовую, душ и обязательно комнату отдыха, где можно было бы прочитать свежую газету, послушать радио, поиграть в шахматы или домино, покататься с товарищами по работе. Вряд ли нужно говорить с необходимостью перевалочных пунктов. Но их нет. Насколько известно, нет и проектов.

Самый простой ремонт в дороге занимает массу дорожного времени. Конечно, отремонтировать машину может соседний автобаз. Но сроки омерзительности (сначала свои) таковы, что практически ремонт машин переносится на обочину дороги. Значит, необходимы хотя бы самые простые ремонтные мастерские при перевалочных пунктах.

...Кончается наш рассказ. Но никогда не кончается большая дорога. И, наверно, сейчас где-то далеко идут в очередном рейсе Борис Черкас и его товарищи — шоферы-трактористы.

Л. ЛЕОНОВ

Фото автора.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ МАТЕРИЯ

Ресторан. За столиком сидят двое модно одетых молодых людей. Они наполняют рюмки, чокаются, неторопливо пьют. Тот, что и серым ладьяно, откусывая сыр, рассказывает.

— Я ей говорю: «Мать, завтра иду на день рождения, купила деньги на подарок». «Сколько?» «Пятсот рублей!». Она смотрит на меня, как на выходца с другой планеты. К этому я готов и «быстро» «блжно»: «Двести пятьдесят, двести пятьдесят». «Сколько?» В ее голосе, как говорит, слышится не менее десяти сильных страстей, не считая мелких чувств. Но такие вещи смущали меня в пятидесятилетнем возрасте, а теперь это доставляет мне несколько нескольких секунд — и только! Я говорю успокоивающим тоном: «Сто пятьдесят». Всего-навсего сто пятьдесят! Она саркастически подмигивает: «Всего-навсего! А дескать не хочешь? Сам-то ты рубль за свою лямку не заработал!» И начинается безобразная торговля с родным сыном. Сходится на восьмидесяти.

Принятию радости смеются и пьют за мифический день рождения.

— А я, — добавляет рассказчик, — больше денег на подарить не рассчитывал. Чувствуюсь неизлечимой моей системой.

Его приятель стряхивает пепел с сигареты в непромокаемый салат и пронзительно кричит губы:

— Кустарщина! Неучастный походу. Я установил, что лучше всего вытратить деньги, воздержавшись на родительскую любовь и жалость.

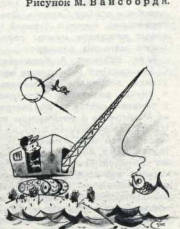
Вчера сижу я грустный, как будто из вытрезителя, и говорю тугими голосом: «Мамуля, дай, пожалуйста, пять рублей тридцать копеек». Она смеется: «Почему не пять, не шесть, а именно пять тридцать?» «Да это грошная сумма», — стою. «Плат-массовая. Завтра свадьба у моего друга, так я подарю невесте». Мать возмущается: «Это просто неприлично! Ну уж так не можешь найти, что ильбуе другое?» «Есть одна вещь, только она сто сорин два рубля стоит». В ней происходит борьба расчетливой хозяйки с любящей матерью. Я принимаю жалкий вид и говорю еще более грустным и тугими голосом: «Да не нужно, мамуля, стид не дам — глаза не вымоет. Пусть надо мной посмеются. Ведь я же не зарабатываю. Дай пять тридцать — и все». Она вытравляет меня уговорами, и я выношу новую а неохотно — мне ведь так важно мою мамочку — беру денюжку. Вот что значит материя!

Они чокнутся и залпом опорожнивают вместительные рюмки во славу материнской любви.

В. КНЯЗЕВ,
В. ШКУНОВ.

Боевое крещение.
Рисунок М. Вавсборда.

Без отрыва от производства.
Рисунок В. Соловьева.

Без слов.
Рисунок М. Семезова.

КИРИЛ ГЛАДКОВ

КТО ТАМ?

Рисунки Р. Андреева.

На наших глазах произошло удивительное превращение. Совсем недавно проблемы происхождения Вселенной, обитанности других звездных миров, возможности космических путешествий волновали очень небольшую круг ученых и любителей астрономии.

Но вот один за другим сначала вокруг Земли, а затем вокруг Солнца, на Луну и вокруг Луны отпразднили советские искусственные спутники, космические ракеты, а недавно на орбиту спутника Земли вышли космические корабли. Причем «космонавт» второго советского корабля вернулся на Землю! И сразу же интерес миллионов людей оказался прикованным ко всему, что прямо или косвенно связано с солнечной системой, что касается нашего обширного «дома» — Галактики, Вселенной.

Людей, еще недавно равнодушно относившихся ко всем этим проблемам и загадкам, стал глубоко интересовать и числе других и вопрос: «Есть ли где-либо во Вселенной существующие сознательные существа, то почему до сих пор они не дали о себе знать?»

Отвечая на это пока только автору научно-фантастических произведений да некоторые энтузиасты. Они усматривают в отдельных непонятных или недостаточно исследованных природных явлениях признаки посещения Земли обитаемыми внеземными существами цивилизаций других звездных миров.

Писатель А. Казанцев остроумно и довольно логично доказывает, что тунгусский метеорит —

это взорвавшийся при неудачной посадке атомный космический корабль. Профессор С. Шкловский рассчитал, что спутник Марса Фобос и Деймос — дело рук марсиан, существовавших несколько миллионов лет тому назад. Другой ученый, М. Агрест, усматривает в древнебиблейских легендах о жене Лота, превратившейся в соляную столб, и в таинственном уничтожении города Содомы и Гоморры, как и в некоторых других малоисследованных природных явлениях, доказательства состоявшегося уже в наше историческое время непознательного посещения Земли разумными существами.

Как это ни странно, но часто бывает легче доказать осуществимость той или иной научной гипотезы, чем опровергнуть ее. Вездарный реальный космического полетного корабля, который мог бы произойти в действительности, в главных признаках совпадает со взрывом попавшей в атмосферу Земли кометы. К этому склоняется сейчас большинство специалистов.

Но время глядило бы следы, которые позволили бы установить более тонкие различия, и гипотезу писателя трудно опровергнуть.

Однако если это был действительно космический корабль, то почему же, прислав его однажды на Землю, сознательные существа из другого мира не повторили полет? Ведь, несомненно, они имели возможность послать следом другой корабль. Наверняка космонавты успели сообщить к себе домой об обнаружении ими данных о Земле и о том, что стоит совершить на нее посадку. Однако за истечение 52 года этого не произошло.

А по собственному, небольшому опыту мы знаем, что каждый последующий космический полет является несравненно более сложным, чем предыдущий.

Свои расчеты, доводы и предположения об искусственном происхождении спутников Марса — Фобоса и Деймоса профессор С. Шкловский строит, основываясь на измерениях, проведенных в свое время в Пулковской обсерватории, а позднее в Англии. Точность и надежность этих расчетов никогда и ни у кого не вызвали сомнений до тех пор, пока сам автор расчетов — английский ученый — не усомнился в правильности и точности полученных им в свое время данных, пообещав в будущем проверить их заново.

Но поспудите сами: для чего марсианам понадобилось сооружать искусственные спутниковые «искусшбы»? Для отепления планеты нужно было бы строить кольцо, подобное кольцу Сатурна. Для обсерваторий, научных станций, пусковых установок спутники много меньших размеров.

Если позиции А. Казанцева и С. Шкловского можно еще не без успеха защищать и развешать, а в случае возникновения с почетом сдать, то доказательство М. Агреста о возможном посещении Земли пришельцами из космоса более чем наивно. Он пытается доказать, что связь подогнать друг к другу два природных явления и один близкий мир: тектиты — действительно таинственные стеклоподобные образования, главным образом в пустынях, примыкающих к Средиземному морю; непонятного происхождения гигантские плиты на плоскогорье и, наконец,

легенду о именованном уничтожении городов Содомы и Гоморры и превращении в соляной столб жены Лота, нарушившей приказ свыше не оглаждать на кару боже — не оглаждать на кару боже. По М. Агресту, тектиты — это остатки взрыва оставшихся ракетного выхлопа песок. Загадочные плиты — стартовые площадки космонавтов, покинувших Землю. А уничтожение Содомы и Гоморры — атомный взрыв оставшихся запасов ядерного горючего.

Мы заранее оправдываем любые, самые смелые и фантастические гипотезы, ибо даже маловероятные доводы развивает правильные. Но как опровергнуть в данном случае всю эту псевдонаучную галimatю?

Представьте себе землян, прилетевших, скажем, через 100 лет на планету, где имеются мыслящие существа, общественный строй, наука, техника, письменность, но на более низком по сравнению с нами уровне. Скажем, как в «Яши при дворе короля Артура» М. Велна. Ведь такой полет будет совершаться не ради туристской прогулки. Нам будет привлекать обширная программа научных работ, включая возможную потерю прилета, поселения людей на новооткрытой планете, передачи своей более высокой культуры коренному населению, а возможно, как в «Аэлитте» А. Толстого, — помощь угнетенным народам.

Можно неудачно произвести посадку. Но улететь так, чтобы варварски уничтожить при этом два города с их населением — вряд ли могли поступить подобным образом высокоцивилизированные существа из общества, успешно и давно освоившего космические полеты. Приехали быблии, построили при помощи местного населения стартовую площадку и улетели, не оставя по себе ни слуху ни духу, не передав жителям планеты ни крупицы из своих знаний, представлений культуры и, наконец, не оставив на протяжении нескольких тысячелетий своего посещения нашей планеты — так в науке не водится — ни на Земле, ни возвращаясь при любой иной цивилизации.

Наконец, если у А. Казанцева или С. Шкловского одно доказательство логически вытекает из другого, то у М. Агреста ничего нет. С таким же успехом в качестве доказательств его гипотезы можно привлечь множество других тайн и загадок: статус с острова Пасхи, геоматематические правительственные шары, находящиеся в Гватемале, легенду об Атлантиде, столб из чистого железа в Дели и многое, многое другое, в том числе и более десятка примеров из библии.

Однако почему мы не располагаем неопровержимыми научными доказательствами посещения нашей Земли далекими путешественниками?

Чтобы могла зародиться и развиваться жизнь, увеличенная разумными существами, нужны вполне определенные условия, сходные или близкие к условиям нашей Земли. Физическое и химическое состояние, климат, температура и т. п. Приспособляемость живой материи порой кажется невероятной и удивительной. Но тем не менее бы среднегодовая температура на Земле увеличилась или уменьшилась всего на десяток градусов, жизнь на ней, по крайней

мере в тех ее формах, какие мы знаем теперь, была бы уже невозможной.

Из всех планет солнечной системы в наиболее благоприятных условиях для развития жизни оказались Земля и, возможно, Венера, а в далеком прошлом, может быть, Марс.

Поэтому долгое время считалось, что, несмотря на огромное количество звездных систем в нашей Галактике, существование условий, сходных с Землей и благоприятных для возникновения жизни, является скорее исключением, чем правилом.

За последние два-три десятилетия эти представления в корне изменились. В нашей Галактике, насчитывающей около 200 миллиардов звезд, должны существовать миллионы, а может быть, и миллиарды планет, достаточно близких по физическим условиям и химическому составу к Земле. А современная биофизика рассматривает зарождение жизни как прямое и неизбежное следствие именно таких, а не каких-либо иных условий. Следовательно, должно существовать и превалентное количество планет, обитаемых разумными существами, находящимися на различных ступенях физического и умственного развития, не исключая тех и высших форм цивилизации.

Стоит миллиарды звезд! Тысячи миллиардов планет! Много это или мало для возможности когда-либо встретиться с другими разумными существами? Улететь об окружающих нас научных открытиях, какие еще только предстоит совершить людям через тысячелетия или миллионы лет. Может быть, о возможности управления ходом времени, пространства, о создании искусственных солнц, решении тайны бессмертия человека!

Сколько героев космических путешествий по воле авторов научно-фантастических романов, прилуну к иллюминаторам своих кораблей, легко узнают знакомые созвездия!

В самом деле, всюду ли звездное небо выглядит так, как видим его мы на Земле?

Конечно, нет. Наша Галактика имеет форму плоской спирали с несколько выпуклой центральной частью диаметром около 100 тысяч световых лет и толщиной порядка 25—30 тысяч световых лет. А наше Солнце расположено в отдаленной части одного из двух главных рукавов спирали на расстоянии 30 тысяч световых лет от центра. Причем не в густой части рукава, а сбоку.

Совсем другая картина наблюдается в центре Галактики, кажутся на фотографиях другие, подобных нашей, спиральные галактики, сплюснутым светящимся шаром. Небосклон планеты одного из солнц в центре Галактики буквально усыпан звездами — почти в тысячу раз больше звезд, чем у нас.

Какие же выводы можно сделать из всего этого? Их несколько.

Подавая чаще большинство звезд нашей Галактики, около 90 процентов, сосредоточено в ее ядерно-центральной, выпуклой части. Следовательно, где-то на окраинах ядра (ибо в самой его середине от большого скопления газа температура слишком велика для нормального развития жизни) может быть сосредоточено огромное количество разумных миров.

Почти в тысячу раз более близкое их размещение в пространстве значительно упрощает и облегчает межзвездные путешествия, связь между мирами, обмен куль-

турами. Мыслимые существа, населяющие какую-нибудь планету в центре Галактики, имеют в десятки раз больше шансов на межпланетную связь, чем мы и наши звездные соседи. А это, в свою очередь, означает, что если нашей солнечной системе потребовалось около шести миллиардов лет на то, чтобы в ней зародилась жизнь и были сделаны первые попытки человека выйти в космическое пространство, то в других, более тесно расположенных и к тому же более древних мирах это могло произойти значительно раньше. И вполне реально возможность, что в центре Галактики давно осуществляются межзвездные путешествия, существуют объединения разумных миров с высочайшей степенью развития цивилизации.

С точки зрения этих разумных существ, вряд ли необходимо предпринимать путешествия длительностью в десятки тысяч световых лет в самые удаленные уголки Галактики. Ведь в наших краях средние расстояния между звездами в десять раз больше, чем «дома», а шансы обнаружить обитаемые системы во столько же раз меньше.

Как это не неприятно сознавать, но мы на единственной в нашей солнечной системе обитаемой планете являемся глубокими космическими провинциалами, затерянными в океане других миров. И вряд ли у разумных существ «столчных» окрестностей есть возможности или даже желание затрачивать энергию на путешествие к нам.

А почему, собственно говоря, нельзя предположить, что эти существа давно обнаружили нас, знают о нашем существовании, видели нас, но не считают нас чем-либо интересным или особым, примерно так же, как мы не при-

двем значение муравьиной куче в лесу.

Знаком положение, видимо, останется до тех пор, пока человечество само не найдет способа преодолеть межзвездное пространство и отправиться в «большую город» к центру нашей Галактики.

В век путешествий пешком, верхом или под парусом возможность передвигаться со скоростью в десятки, сотни и тысячи километров в час казалась буйной фантазией, абсолютно невероятной, граничащей с ересью... И кто имеет право, с точки зрения опыта всего наиболее двух-трех столетий развития современной науки, загадывать, каких высот достигнет человеческий гений через 50—100 лет, не говоря уже о тысячелетиях?

Сейчас мало найдется ученых, которые возьмались предсказывать, что случится даже через 10—20 лет — и не потому, что они не обладают смелостью научного мышления или недостаточно осведомлены о состоянии научных знаний эпохи.

Но не один только космические путешествия являются способом общения мыслящих существ.

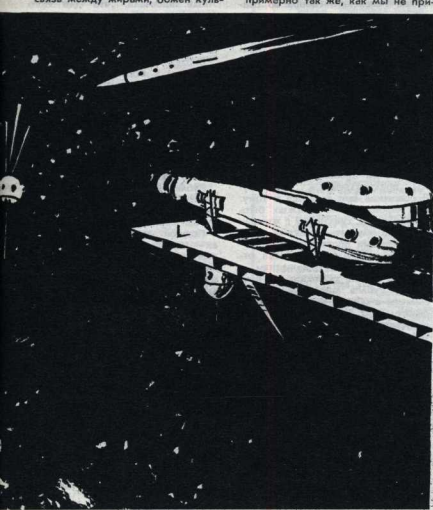
Опыт послыши двух искусственных планет нашей солнечной системы показал, что надежная радиосвязь действует на огромные расстояния. Радиотелескопы позволяют обнаруживать излучения звезд, других галактик и межгалактических скоплений водорода с расстояний, измеряемых десятками (а по другим данным,

даже тысячами) миллиардов световых лет, то есть далеко за пределами нашего звездного дома.

Вполне вероятно, что в море свистов, шумов, шорохов, обнаруживаемых в самые чувствительные радиоприемники, тонут или остаются до поры до времени непознанными сигналами, специально посланные разумными существами. А может быть, они составляют обрывки переговоров между собой существ, населяющих центральную часть нашей Галактики или сравнительно близкие звездные миры Альфу Центавра, Сириус, Алтаир, Арктурус? Почему бы человечеству уже сейчас не соговориться и не начать систематическое прослушивание Космоса, используя для расшифровки переключенных сигналов сверхрешающие машины?

Недавно американец Дж. Франк Дрейк из Национальной радиотелескопической обсерватории в г. Грин-Бэнк сделал первый шаг в этом направлении. С 10 апреля 1960 года в поисках осмысленных сигналов он начал систематическое ежедневное прослушивание и расшифровывание всего, что приходит из Космоса. Скоп наблюдений он пока концентрирует на звездах Тау Кита и Эпсилон Эридан, находящихся на расстоянии 11 световых лет от Земли.

Возможно, пройдут десятилетия, пока в хаосе шумов обнаружатся сигналы разумных существ. Но не исключено, что, на наше счастье, это случится уже завтра. Извне поступают в двери нашего мира и спросит: «Есть здесь кто-нибудь?», — а мы сможем ответить: «Кто там?».

СВИДАНИЕ С ВЕЧНО

К 600-летию со дня рождения Андрея Рублева

Андрей РУБЛЕВ. ТРОИЦА. Деталь.

В феврале 1952 года при реставрации Андрониковского монастыря — самого древнего здания Москвы — на откосах окон были обнаружены фрагменты орнаментальных фресок. Ученые, исследовав выходы, пришли к выводу, что фрески принадлежат кисти великого русского художника Андрея Рублева.

Мы почти ничего не знаем о жизни этого гениального живописца. Его биография утеряна для нас, и, видимо, навсегда.

Вокруг его творчества было создано немало легенд. Его произведения не раз подновлялись подлыми мастерами, иногда переписывались заново, скрывая от зрителя подлинную живопись великого художника.

Второе рождение искусства Рублева произошло в наши дни. Благодаря труду советских реставраторов наше поколение может видеть «подлинного Рублева». Его произведения хранятся в Третьковской галерее, в соборах Московского Кремля, украшают стены Успенского собора во Владимире.

Что заставляет нас, людей середины XX века, вновь обратиться к произведениям, созданным почти шесть столетий назад?

Какие чувства могут пробудить у современного человека, стурмуемого космос, произведения иконографии, выражающей, в сущности, богословские догмы? Трудно ответить на эти вопросы лучше, чем это делает само творчество Андрея Рублева.

У нас выработались довольно конкретные требования, которые мы предъявляем к искусству. В основном они сводятся к тому, что произведение должно быть современным, связанным с жизнью народа и обладать высшими художественными достоинствами.

Творчество Андрея Рублева отвечает всем этим требованиям.

Как и всякий художник его времени, Рублев писал библейские сюжеты и образы ветхозаветных и евангельских легенд. Как и его современники, он был ограничен традициями иконографии: священное писание трактовалось только по установленным церковью канонам. Но, даже ограниченный этими узкими рамками, Рублев утверждал не догмы православия и философию церкви, а идеи и чувства русского народа.

В Успенском соборе Кремля есть икона, которую издавна называют «Спас Ярус Окос». Не случайное название. С иконы смотрит суровый лик Христа. Он как бы предупреждает человека о близком конце, напоминает о страшном суде.

Эта икона написана неизвестным русским мастером в первой половине XIV века — во времена, когда Русь, раздробленная на мелкие княжества, подвергалась жестоким набегам татарских полчищ. Русские люди жили в постоянном страхе. Тревожное ожидание непродолжительных сроков за будущие художник выразил в лике Спасителя.

У Рублева тоже есть «Спас». Но написал он его уже в самом начале XV века, когда объединялись разрозненные княжества, когда под московскими знаменами русские полки одерживали первые победы.

«Спас» Рублева человек и ослухотверен. Открытый взгляд легко очерченных глаз полон тихой задумчивости и истинно русского благородства. В этом взгляде — мудрость и простота.

В 1480 году татарские полчища вновь двинулись на Русь. Захваченки разоряли землю, уводили пленников. Измученный народ нуждался в мире и спокойствии. Люди понимали, что для этого необходимо объединение. Выражение этой общерусской идеи можно увидеть в «Троице» Рублева, написанной в эти годы.

Библейская легенда рассказывает, что к старцу Аврааму явилось божество в трех лицах — в виде странников. Они предekali его жене Сарре рождение сына. Вот, собственно, и весь сюжет.

До Рублева художники отображали этот эпизод подробно, но, несмотря на высокую степень мастерства, произведения эти оставались иллюстративными.

Рублев поступил по-иному. Ветхозаветный сюжет подался художнику только для того, чтобы выразить свои мысли.

Главной идее — единению Руси — подчинены все детали. В просторной композиции удачно выстроены, как соцветия, различные формы спокойствия. Мягкие, плавные линии отличаются своеобразной певучестью и непрерывностью движения.

В тончайшую гармонию золотых, нежно-зеленых и сиреневых тонов резко вырывается голубой и темно-вишневый цвет. Достаточно взглянуть на эту гармонию красок, чтобы признать создателя «Троицы» величайшим колористом мировой живописи.

Совсем недавно мне довелось слышать разговор, который происходил между посетителями Третьковской галереи возле этой картины.

— Не могу понять: ведь это икона, и кажется, должна бы устареть.

— Вам нравится?

В числе многих правил, которыми стремился руководствоваться гонимый, было и такое: «Рекорды скорости в воздухе, на суше и на воде принадлежат только Великобритании».

Однако вскоре после Второй мировой войны англичанам пришлось распрощаться с абсолютным рекордом скорости в небесах. Его отобрал американские асы. Затем рекорд перешел в Европу. Сенсационная новость облетела мировую печать: советский пилот В. Мосолов на реактивном самолете отечественной конструкции развил поразительно высокую скорость — 2388 км/час. (Истак, наши пилоты принадлежат сейчас подавляющее большинство рекордов воздушного океана.) Дост многолетних сообщений о достижениях советского пилота заканчивались стандартной фразой: «Абсолютный рекорд скорости в воздухе принадлежит американцам». На очереди рекорды на суше и на воде. Они те же, видимо, скоро перейдут и советским специалистам.

И действительно, час абсолютных рекордов на суше и на воде принадлежит нашим спортсменам занести их в свой «послужный список»! Как известно, абсолютный рекорд скорости на суше принадлежит сейчас англичанину Джону Коббу. Установил он его в августе 1947 года на автомобиле «Фенир-Райтон» с двумя моторами общей мощностью 2860 л. с. на автодроме, оборудованном высочайшем скоростном озере в районе города Боннингвэй в США; на спомпоторной дистанции он равен 633,8 км/час, а на дистанции в 1000 м — 634,3 км/час. В 1952 году Джон Кобб трагически погиб во время заезда на обочине рекорда на реактивной лодке. А рекорд его продолжил держать уже тринадцатый год!

Трудно сказать, доживет ли он до «перешагивания». Попытки обновить рекорд предпринимались неоднократно европейскими и американскими гонимцами. В частности, англичанин Дональд Кимпбелл начал постройку нового газотурбинного автомобиля с двигателем «Бристоль-Протей» мощностью около 5 тысяч л. с. с этой целью Кимпбелл еще в текущем году предполагает достичь скорости 750—800 км/час.

Может ли мы состязаться с лучшими иностранными автомобилистами? Безусловно, да.

У нас есть классные гонимцы, в том числе такие известные и опытные, как обладатели ряда международных достижений, заслуженные мастера спорта харьковчанин Эдуард Лорент, москвич Александр Иванович мастер спорта москвич Алексей Амбросеник и другие.

Однако для достижения наивысших скоростей необходимо и специально оборудованные площадки. Обязательны ехать в США на великом озере или Боннингвэй. Видно, нет. У нас есть свои автодромы, автогонимые трассы. Понимая их наличие года три назад Центральный комитет ДОСААФ СССР направил тогда в пустыню Каракумы трех энтузиастов — Эдуарда Лорента и судей всесоюзной категории Юрия Горбана и Генриха Чернянского. С проводниками из местных жителей они на востоке и верблюдах переходили сотни километров по «Черным пескам» (так переводится название «Каракумы»). Исполнению от города Кум-Даг в самом центре пустыни, там найдены таксар — участки пустыни с ровным песчаным покрытием. Твердый, как бетон, и ровный, как стекло. Его длина — 20 километров и ширина — от 4 до 5 километров.

...И вот в пустыню привезли дивинные «перья» — окрашенные в серебристый цвет, сгарло-

образные гоночные машины. Рабочие разметили песчаный таксар синими и красной красками. Утром, приехав бензовозы. Возникла новая гоночная линия. Набит-даг — Такыр, в течение двух недель не испытывали никаких проблем с пассажирами. Наконец, там, где деревья буквально выжжены до золотого, выросла деревянная трибуна для зрителей.

В Европе нет идеального автогонимого для установления высших достижений. Не случайно поэтому так в Каракумы привлек внимание специалистов большинства европейских стран, а Чехословакия даже приехала в Кум-Даг двух своих наблюдателей.

С легкой руки корреспондентов такыр был окрещен «рекордным». Однако здесь так и не было установлено международных достижений. По нескольким раз в день динктор объявлял собранным зрителям (истак гонимцы, провалявшим максимум терпения) о том, что сброс таксар стартуют танкогонимцы. Но спортсмены изза неполадок в машинах чаще не стартовали. Несколько раз принимал старт Лорент: Премьерства, соробранная сгар с огромной скоростью проносилась перед зрителями, и высокоскоростные приборы «Омега» засекали время: прохождение «с хода» километровой участка. Однако каждый раз до рекорда не хватало десятых или даже сотых долей секунды.

Им не менее первый шаг сделан. Многие удалось изучить и провести. Ряд научно-исследовательских институтов прислал на гонимцы отузиастов. И они смогли проследить, как ведут себя при работе на больших скоростях отдельные узлы двигателя, резина, различные приборы.

Параллельно шли поиски нового автодрома. Рядостные вести привели с озера

Баскучак заслуженный мастер спорта А. Новиков и известный автор Ю. Гофман. На Баскучане они нашли, как мы думали, идеальное место. Там, где в Боннингвэй, это участок высохшего соленого озера. На нем в этом году запланировано провести заезды на гонимцы ввиду отсутствия стимений. И если автором на Баскучане окажется действительно талантливым, наши спортсмены смогут обновить абсолютный рекорд.

Для завоевания рекорда нужен и специальный автомобиль: либо с очень мощными двигателями, либо работающими на реактивной тяге. При современном развитии отечественной техники за этим дело, видимо, не стоит. Но необходимо, чтобы спортсмены, работники науки и техники помогли друг другу, завладев тестую теоретическую работу. Роль организатора, вероятно, придется взять Центральному комитету ДОСААФ и Центральному совету Союза спортивных обществ и организаций СССР.

Абсолютный рекорд скорости на воде тоже пока не ушел от англичан. Последнее достижение Дональда Кимпбелла, по названию которого в 1958 году на гонимсере с реактивными двигателями, равняется 437 км/час. У Кимпбелла много конкурентов во всем мире (он и помнит, ибо для штурма абсолютного рекорда на воде требуются специальные автодромы). Однако наши водоторники, которых объединяет Центральный водоторный клуб имени Баранова, пока лишь грозятсяступить в борьбу за рекорд.

Да, рекорды скорости на суше и на воде должны занять место в «пюветисте динновских спортсменах, ученых и инженеров. Они должны стать частью наших рекордов!

Фото автора.

На земле, в небесах
и на море...

— Нравится.
— Значит, не устарело.

«Трощу» смотрят долго, иногда часами. Многие приходят не один раз. Глядя на это произведение сегодня, им поражаемся всемоу мастерству, которое не стареет от времени. И чувства, заключенные в нем, волнуют нас так же сильно, как и современников художника.

Минимальные сведения о жизни и «облаке» художника, рассказанные в различных источниках, могут многое прибавить к пониманию его искусства. В одном из них сказано, что Рублев «был светел и радостен». В этом, быть может, раскладе античной эстетики его произведений, лишенных средневековой мрачности.

Рублев мыслит свои образы среди людей и выделяет их всеми человеческими качествами. Библейские образы художник трактует по-своему, изображая их в виде обычных, простых, умудренных жизнью людей. В таком отношении к божеству заключена суть характера черта искусства Андрея Рублева.

С таким подходом к искусству связан и взгляд великого русского художника на человека, глубокая убежденность в том, что человек достоин лучшей участи. Особенно ясно это чувствуется во фресках на темы «Страшного суда», которыми Рублев вместе с Даниилом Черным украсил стены Успенского собора во Владимире.

Основной художник средневековой трактовку эту тему, старались напутить зрителей изображением ужасов и мучений, которые ожидают людей в будущем, когда, как утверждала Библия, им придется явиться перед гневным оком высшего суда.

«Страшный суд» для Рублева опять-таки только сюжет, в разработку которого он вкладывает свои собственные мысли. В лицах и фигурах людей, изображенных им, нет ничего, что выражало бы страх или наводило на мысли о предстоящих мучениях. Люди идут с вожделюю на спасение.

Наше поколение плохо знакомо с сюжетом, который писал Рублев, но для нас Рублев — великий художник. Его произведения волнуют современных середины XX века, ибо свое искусство Рублев обрвал, а обобщенность, величие идеи и чувства. Идеи единения мира современна для каждого народа и теперь. Чувства добра, светлые отношения между людьми не могут состариться с течением веков. Поэтому и искусство Андрея Рублева стало вечным.

А. НИКОЛАЕВ

В. А. Гиляровский. Снимок публикуется впервые.

В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ

В начале 80-х годов в Москве очень крупный актер и переводчик Сарду Н. П. Киреев. Он играл в Народном театре, на Солянке, и в Артистическом кружке. Его сестра О. П. Киреева — оба они были народники — служила акушеркой в Мясницкой части, была акушеркой соседних трущоб Хитрова рынка, где ее все звали по имени и отчеству. Много восприняла она, и эти грязные ночлежки бузурчипишцы и порож, особенно есаи, по несчастью, дети рождались от матерей замужних, считались «законными», а потому и не принимались в воспитательный дом, выстроенный исключительно для незаконнорожденных и подкидышей. Врачом полицейским была такой же благодетель хитровской рваки, как и Ольга Петровна, описанный портретом в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья», Д. П. Кувшиников, нарочью избравший себе этот участок, чтобы служить бедноте. О. П. Киреева была знакома с нашей семьей, и часто ее маленькая дочка Лева бывала у нас, и мы с женой выжили в ее маленькой квартирке в третьем этаже промозглого грязно-желтого здания, под самой калявкой. Внизу была большая квартира доктора, где я не раз бывал по субботам, где у Софьи Петровны, сестры доктора, страстной поклонницы агитаторов и художников¹, устраивались вечеринки, где читали, рисовали и потом ужинали. Бывали там и А. П. Чехов, и его брат художник Николай,

¹ С нее Ан. Чехов написал «Попрыгунья». — Прим. автора.

В литературе имя Владимира Алексеевича Гиляровского появилось в 80-х годах прошлого века. Большой и сложный жизненный путь прошел он, прежде чем стал известным писателем.

Родился В. А. Гиляровский в 1853 году. Детство и юность его прошли в Вологде, южной, определившей впоследствии его творчество, был, несомненно, результатом общения с политическими ссыльными.

Семнадцатилетним юношей, прочитав запрещенный тогда роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», Гиляровский под влиянием повзросневшего его образа Радомста — «Нингутиши Ломова» уходит из дома без паспорта и денег на Волгу, в Ярославль, чтобы «слушаться народу».

Десять долгих лет проходит в скитаниях по России. За эти годы он испытал на себе труд бурлака, крочичина, табубачника в Задонских степях, рабочего на заводе свинцовых болтов, был поварами, солдатом-добровольцем во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, истопником, наследником в цирке, автором.

В литературу Гиляровский приносит тему беспротестной нужды человека, обесценившего в борьбе за свое существование, тему тяжелого труда, измучившего физические силы. Первые произведения Гиляровского обращают на себя внимание М. Е. Сатиных-Щедриных, Г. И. Успенского, одобрительно отозвавшихся о рассказе «Человек и собака» и «Обреченные».

Весь труд первого сборника рассказов Гиляровского «Трубочные подпольщики» (1887 год) по распоряжению Главного управления по делам печати был сожжен. Издание первой беллетристической книжки, постоянное запрещение стихов, часто возвращавшихся в редакции журналов от цензуров перепечатавшим красным карандашом, привели к тому, что в дореволюционную время Гиляровский как писатель почти замолкает, отдавая все свои силы журналистике.

В центре воспроизведения Гиляровского, так же как и его беллетристических произведений, стоит простой человек, его лишения, беды, страдания. Уже за первые корреспонденции и труды рабочих на орехово-луэвских фабриках во время пожара и о кукушечной железнодорожной катастрофе Гиляровского признают «королем московских репортеров».

Такие книги писателя, как «Мои ситняки», «Москва и москвичи», «Друзья и встречи», «Люди театра», пользующиеся заслуженной любовью у нашего читателя, были созданы уже в советские годы.

Особенно много после 1947 года Владимир Алексеевич пишет о Москве и москвичах. В одном из своих стихотворений он говорил:

Вез витийских измышлений
Шью, как по нитке
Для тридцатых поколений
Память о Москве.

Публикуемый в «Смене» рассказ «Штурман дальнего плавания» был написан в 1935 году для книги «Москва и москвичи», но в последнее принужденное издание книги Гиляровский не успел его включить. Рассказ печатается впервые.

Е. КИСЛЕВА

и И. Левитан — словом, весь наш небожирный кружок «баучаюшк» и не всегда сытых молодых начинающих...
Как-то днем захожу к Ольге Петровне. Она обмывает в тазике покрытую язвками ручонку дружелюбного робака, которого держат на руках грязная нищенка, баба лет сорока. У мальчика совсем отгнила два пальца: средний и безымянный. Мальчик тихо всхлипывал и таранил на меня глаза; правый глаз была жеманый, левый — карий; баба гурчала: «У, каторжный, дермоидный! Увайть тебе малца!»
Я прошепел в смеющую комнату, где Лева тоже обмывала куклу и кипел самовар.

Вернувшись, Ольга Петровна рассказала мне обыкновенную хитровскую историю: на помянуке ночлежки нашли солдатку-нищенку, куда она разрешилась от бремени этим самым младенцем. Когда Ольга Петровну позвали, мать была уже мертва. Мальчонка был законнорожденный, а потому его не привяли в воспитательный дом, а взяла его ночлежница-нищенка и стала с ним ходить побираться. Заслуга как-то нищая о Рождестве на улице, и отгорюила ребенка два пальца, которые дамо тямал, а она не мечила — потому подавала больше: высушет он перед прохожим изъезвэнную руку... ну, и подают ссербольные... А раз Сатпка-Кочерга наткнулся на помянуку, и ее отправил в участок, а оттуда в Охот Петровне, которая ее знала хороню, на перевалу...
Плохой, адишай мальчонков! До трех

лет за грудного выдавала и раз нарвала:спросила на улице у прохожего начальника сакской полиции Фэффибака помочь грудному ребенку.

— Грудной, говоришь! Что-то велик для грудного...

Выступил малый из трюпок и тычет кулачатой ручонкой, будто козу делает...
— А тебе сто за демот... Сволось здакави...
Понед К...

Качивался отправляем в участок, откула малого спесил в ночлежку, а Сатпка-Кочерга препроводил на доктору болени в Мясницкую больницу, и больше ее в ночлежке не видела.

Вскоре Коску стаия водить нищенствую за ручку — перевела в спешке стражи. Завотисал о Коске деушка Иван, старик-ночлежник, который заботился о матери, брал ее с собой на все лето по грибы. Мать умерла, а ребенок родился 22 февраля, почему и окрестил его деушка Иван Касьяном.

«Касьян праведный» — знал его потом старик за странность характера: он никогда не лгал.
— И сам старик был такой:
— Правдой надо жить, неправдой не проживешь!

Попрекал он Сатпка-Кочергу, а Коска слушала и внимала.
Три года водил за ручку Коску старик по зимам на церковные паскеры, а летом уходил с ним в Соколяники и дальние, в Лосыный острок по грибы и там зарабатывал пропитание. Тут Коска от него и о своей матери

ушла. Она по зимам занималась стиркой в ночемках, куда приходила письма от мужа ее, солдата, где-то за Ташкентом, а по летам собирала грибы и носила в Охотный. Когда Косые минуло 6 лет, старик умер в Боманине. Остался Косья один в ночемках. Малый Бунга, ловкий и от дедовой жизни сильный и выносливый. Стад нищенствовать по ночам у ресторанов «за разувку» — бегает босой по снегу, а за углом у товарища ваники. Потом совласть с Карманникой, стал работать на Сухране и по вагонам конки, но сам в карманах никогда не лазил, а только был «убегадой», то есть ему передавали копелек, а он убегал. Ему верили: никогда ни копеек не возьмет. Потом на стреле стал стоять. Но стоило городскому спросить:

— Что ты тут делаешь, пащенок?
Он обязательно всю правду اخвет:
— Обязательно. Там наши бегята лакую со двора подламывают.

Ж и бегал с воры за правду — он все свое. Почему такая правда жила в ребенке, никто не знал. Поконный старик-грибник объяснил по-своему эту черту своего любимица:
— Касьяном зовут — потому и не врет. Также в три года один раз родился... Касьяны все правдивые бегитот!

Косья слышал эти слова его часто — и еще правдивее становился...
Умер старик, прогнали Косью из ночемки, прижались он к подзаборной вольнице, которая шапкама ходила по рынку и поверела в помойках, в бунтах подвалах под Красными воротами, в пущах на Старой площади, а летом в парке и Соколыньках, когда тепло, когда «каждый кустик хочовать пустиет».

Любимое место у него было под Соколыньками, на Ширевом поле, где тогда навезли целые бунты толстенных чугуных труб для готовившейся в Москве канализации. Тут жили и взрослые бродяги и детвора бездомная. Ежели заглянуть днем во внутренность труб, то там лежат тружизы, сапога, ружья, бунты, бунта афинская со столбов, тряпье... Это постели ночемжников.

Косья со своей шапкой жила здесь, а потом все «переехал» на Балкан, в полемьяне старого водородов. Там бродячий детвора, примиллишная мелким воровством, чтобы коек покжарть только, ютились и существовала. Много их попадаало в Рукавишниковский исправительный приют, много их высладала на родину, а шапки носил и росли, полюбимые трубочники, где пладомась нишета, и Бегальми мальчишками из мистерских, где подчас жизнь их была невеселыма. И кто вынесет побои колодой по голове от пьяного сапожника и тому подобные способы воспитания, веками выработавшиеся обихода тогдашних мастерских, куда приводила из деревень и отдавала мальчуганов по контракту в ученье на года, чтобы с хлеба домой! И не все выносили эту пятилетнюю кабалу впрогоода, в побож. Целый день полуголодный, босой или в враных опорках земей вдеет мальки на улитке вольных ребятишек — и пристрает к ним... И беждал в трубочку, потому что им не страшен ни холод, ни голод, ни тюрьма, ни побой. А хочовать в мусорной мие или в подвале ничуть не хуже,

чем у хозяйки в холодных сенях на собачьем положении... Здесь спи сколько влезет, пока брехо хлеба не запросит, здесь никто не разбудит до света пинком и руганью.
— Чего дрыхнешь, споконь! Встанай, дармоедщи! — визжит хозяйка. И десятилетний дармоедщице начинает свой рабочий день, тащ босиком по снегу или грязи на помойку полную лоханку больше себя.

Ольга Петровна еще раз пришлось повидать своего пащенота. Он караулил на останкове конки у Страстного — и ожидал, когда ему передадут копелек... Увидел он, как протискивалась на площадку Ольга Петровна, как ее ребята «затряпали» и свистнули ее акшерскую сумочку, как она хваталась и закричала отчаянным голосом...

Через минуту Косья перетряпала сумочку, и он убежал с ней стремглав, но не в условленное место, в Поляковский сад на Бронной, где ребята обыкновенно стирбали салма, а убежал он по бульварам к Трубе, потом к Покровке, а оттуда к Масницкой части, где и цел у ворот, в сторонке. Спрятал под лохмотья сумку и ждет.

Показывается Ольга Петровна, идет шатается как-то... Глаза зылканы... в ворота... по двору... Он за ней, догоняет на ужой destino и окликает:

— Ольга Петровна!

Остановилась. Спрашивает:

— Ты что, Косья?

А сама плачет.

— Ольга Петровна! Вот ваша сумка, все цело, ни снй пороха не тронуто...

— Это был счастливейший день в моей жизни, во всей моей жизни! — рассказывала она мне...

Оказывалось, что в сумке, кроме инструментов, были жазенные деньги и документы. Пропажа сумки была потибебело для нее: под суд!

— Косья сунула мне в руку сумку и исчез... Когда я выбежала за ним на двор, он был уже в воротах и убежал.

Через год она мне показала единственное письмо от Косья, где он говорит — письмо писано под его диктовку, — что «пришлось убежать от своих «ширмачей», потому что я их «бманул и что правду им сказать было нельзя... Убежала я в Ярославль, доехал под вагоном, а оттуда попал летом в Астрахань, где работав на рыбных промыслах, а потом обещали меня взять на пароход. Я выучился читать». Это было последнее известие о Косье.

Давно умерла Ольга Петровна... но до конца жизни помнила своего благодетеля.

1923 год. Иду в домком. В дверях сталкиваюсь с человеком в черной шинели и тюленьей кепке.

— Извиниись.

— Извиниись.

Он поднимает левую руку, придерживая дверь, и я вижу перед собой только два вытянутых пальца — указательный и мизинцев, а двух средних нет. Улыбающийся, милое, чисто выбритое лицо, и эти пальцы...

Мы извинялись и разошлись. За столом управляющий. Сажусь.

— Встретил я сейчас интересного человека!

— Да, пальцев на руке нет. Будто козу кажет!

— Что пальцы? А глаза-то у него какие — один зеленый, а другой карий... И оба смеются...

— Наш жилец!

— К сожаленью, нет. Прихода отказываться от комнаты. Третьего дня отвалил мне в № 6 по ордеру комнату, а сегодня отказался. Какой любезный! Вызывают на Дальний Восток, в плавание. Только что приехал — и вызывает. Морик он, всю жизнь в море пробыл. В Америке, в Японии, в Индии... Наш, русский, старый революционер 1905 года... Заслуженный. Какие рекомендации! Жаль такого жильца!... Мы бы его сейчас в председатели заперли...

— Интересный? — говорю.

— Да, очень. Ему от него мие паметка осталась. Тогда я его бланк нашей анкеты дал, он написал, а я прочел и усомнился. А он говорит:

— Все правда. Как написано, так и есть. Врать не умею.

Управляющий передает мне нашу домовую анкету. Читаю по рубрикам.

— Касьян Иванович Иванов, 45 лет.

Место рождения: Москва, дом Ромейко на Хитровом.

Мать: солдата-инженка.

Отец: неизвестный.

А в самом верху анкеты, против рубрики «Дальность», написано: «Штурман дального плаванья».

Рисунок В. Михайлова.

Я. ВАРШАВСКИЙ
**ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ
 В ИСКУССТВЕ?**

— Какой язык доступнее нам — науки или искусства?

Ответ ясен: искусство. Ведь язык искусства понятен людям всех наций. Еще в древности были созданы такие шедевры скульптуры и архитектуры, которые до сих пор восхищают людей.

Но есть люди, которые спят на симфонических концертах. И порою человек, имеющий высшее математическое образование, как слепой, стоит перед полотнами Врубеля или Серова. Зритель, впервые попавший в японский или китайский театр масок, ничего не может там понять. А другой зритель, не знающий даже английского языка, способен наслаждаться спектаклем андальского театра.

Но язык искусства не так прост, как может показаться на первый взгляд. Чтобы понять его, неподготовленному человеку необходима квалифицированная помощь, добрый совет.

Именно таким хорошим советчиком и может служить недавно выпущенная книга «Что ты ищешь

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО РАДОСТИ

в искусстве». Автор ее Я. Варшавский стремится помочь нам разобраться в этом сложном и чудесном мире.

Много издано у нас популярных (а чаще довольно примитивных) брошюр: «Как смотреть живопись», «Как слушать музыку» и т. п. Много и спиральных изданий по искусству. Но почти нет книг, адресованных непосредственно слушателям народных университетов культуры.

Книга Я. Варшавского написана для них. И для тех, кто еще не пришел в эти университеты.

Она интересна и искусственным и неискусственным. Любителям музыки и живописи, театра и кино.

Эта книжка не о том, как слушать музыку или как смотреть живопись. Автор раскрывает смысл понятия художественного образа в искусстве. И отвечает на вопрос, поставленный в заглавии: кто ищет в искусстве. И еще об одном, очень важном, повествует книга: об ответственности зрителя, читателя, слушателя. А для именно об ответственности. Потому что, оказывается, это не так уж просто — быть настоящим зрителем, настоящим слушателем, настоящим читателем.

Ведь зритель или слушатель тоже принимает участие в творчестве, когда смотрит картину или спектакль. Потому что он «сопереживает» с художником: ему «надо шагать навстречу художнику, выстроиться на его «волну», постараться понять язык его образов». Именно это «сопереживание» и доставляет ему наслаждение.

В книге несколько глав: «Потери в зрительном зале», «Чего сердце не заметит...», «Завод, вырабатывающий счастье...». Написаны они интересно и читаются

легко, хотя говорится в них о вещах очень серьезных, важных, достаточно сложных: о природе художественного обобщения, о соотношении правды и вымысла, о правде жизненной и художественной.

Вряд ли стоит в небольшой рецензии разбирать подробно, как отвечает автор на все эти вопросы. Об этом можно прочитать в книге. Было бы сказать другое: Я. Варшавский написал об этом ясно, ярко и выразительно.

Вот глава «Потери в зрительном зале». Здесь автор приводит письма двух кинорежиссеров о фильмах «Высота» и «Коммунизм». Фильмы получились большим и заслуженным успехом. А по мнению инженера С.А. картина «Коммунизм» не имеет ничего общего с социалистическим реализмом, он считает, что герой ее Василий Губанов — душою неинтересный человек.

Другой зритель возмущен картиной «Высота». «Оказывается, у нас в ходу физические способы воспитания, рабочие-верхолазы в жизни копируют буржуазные законы — возмущается он. — Наши законы о технике безопасности и охране труда безразлично нарушаются, следовательно, являются фикцией. По-моему, необходимо снять эту картину с экрана».

Мелепо? Смешно? Конечно. Но почему эти зрители так неправильно оценены кинорежиссером? Может быть, они были к ним слишком требовательны?

— Нет, — отвечает автор книги, — как раз они очень требовательны к искусству.

Один хотел пропавшей морали.

Другой требовал от картины, чтобы она что-то «отобразила», «показала», «откликнулась».

А картина не «отобразила». Характер героя оказался новым, непривычным, неожиданным. И зритель возмущался.

А вот другой пример. Две девушки разговаривают перед «Скитливкой мадонной» Рафаэля.

— По-моему, она не такая уж красивая...

— Зачем ей быть красивой? Она прекрасная!

Эта девушка почувствовала, что хотела сказать художник. Она испытала ту радость, которую дает искусство.

Художник обождал прекрасное в том, что она видела каждый день, «взяла поэзию из жизни».

Не проходите мимо радостного в искусстве! Не стоит требовать от искусства малото. Чем больше вы потребуете, тем больше оно вам даст, — так можно сформулировать главную мысль этой книги.

..Итак, книга Я. Варшавского хорошая, нужная, интересная. Мы горячо рекомендуем ее читателям. А где ее можно купить?

Тираж немалый — 75 тысяч. И стоит недорого — два рубля. А в магазинах ее не видно. Она, конечно, есть в продаже, но ее именно не видно. Товарищи, спешите, как, незаметная книжница лежит где-то в глубине полок, заваленная десятками других томов. Ее считают брошюрой и не рекламируют.

И мы обращаемся к вам, товарищи продавцы и товарищи библиотекари:

— Пожалуйста, поставьте ее на видное место. Пусть читатель знает, что вышла такая нужная и интересная книга «Что ты ищешь в искусстве?».

Изабелла СОЛОВЬЕВА

КОРОТКИЕ БАСНИ

И. МЕЕРЗОН

ЕРЕМА-ДЕМАГОТ

Услышав биорат Ерема Упрен от молодежи в том, что можно лишь с большим трудом добраться у него приёма.

Он, выслушав все со вниманием, промолвил: «Трудно! Ну и что же! Ведь только в трудных ситуациях Чумаек наша молодежь!»

ЮРИЙ МЯЧИН

ОТМЕЧЕВАЛСЯ

Накрыт с полицием. Хот-отец: В сметане хвост и лапы! Заверещал смирно-ином: — Я от другого папы! Я даже, может быть, не тот. Я, может быть, сабобод!

Он вопи: Я говорил и ране...

А морда у сына в сметане!

В. ШИНКАРЕНКО

ЗАВ НА ИМЕННЫХ

Все пили за здоровье Льва, А именинница... Сова.

— Вечно ты думаешь только о себе!

Рисунки В. Недоголова.

В среду, 11 мая 1960 года, в Сен-Назере в присутствии генерала де Голля и столичной толпы жителей был спущен на воду самый большой в мире пассажирский пароход «Франция».

Рабочие и техники морских судостроительных предприятий Сен-Назера могут справедливо гордиться этим, уникальным единством современной техники, прекрасного вкуса и комфорта.

Перед творческой работой Франция, построив «Нормандию», стала обладательницей самого большого океанского парохода в мире. Но техническое превосходство младшей сестры «Нормандии» бесспорно: несмотря на несколько больший размер, «Франция» на 15 тысяч тонн легче, так как во многих местах сталь была заменена легкими сплавами и обшивка корпуса сварена, а не соединена заклепками, как прежде. Французская пресса не скрывается на детали: пароход насчитывает 950 кают с двумя и тремя койками; во всех каютах есть телефон, а в каютах «люкс» имеется беспроводная связь с землей по радио; воздушные кондиционеры, пассажиры могут пользоваться горячей, холодной и ледяной водой; телевизоры будут принимать передачи «вблизи от берега»; четыре установки позволят дистиллировать морскую воду и давать от 1 000 до 1 400 тонн пресной воды в день.

«Франция» начала строиться 7 октября 1957 года. Два с половиной года спустя, в солнечный день 11 мая, все трудящиеся население Сен-Назера собрались на верфях на берегу Луары. Люди с гордостью следили за внушительным сооружением, спускающимся на воду. Да, с гордостью... и с беспокойством.

Постройка «Франции» окончена. Но теперь будут делать 10 тысяч рабочих судостроительных предприятий Сен-Назера? За несколько минут до спуска парохода на воду директор г-н Фулд в речку, пронзенной в присутствии генерала де Голля, заявил: «Наши верфи могут обеспечить судостроительной работой только до последнего квартала 1960 года;

«ФРАНЦИЯ» и Дядюшка Луи

дальнейшая ситуация нас беспокоит...» И прибавил: «Мы попросили помощи за границей: одна американская фирма обещала нам помочь...»

Мы знаем, что это значит! Рабочие гораздо больше беспокоятся о будущем, нежели их директор; прежде всего потому, что в Сен-Назере, «столице морских судостроительных предприятий, нет других предприятий, и, если верфи закроется, город умрет. И еще потому, что директор, используя создавшееся положение, отказывается работать на увеличении заработной платы.

Когда Египет национализировал Суэцкий канал, нефтяные тресты, тресты морских сооружений предприняли анкорраджую и бессмысленную деятельность.

Судостроитель Сен-Назера выполняли многочисленные заказы на постройку танкеров, но этот искусственный бум продолжался недолго. В настоящее время большое число неиспользованных танкеров стоит в портах, и судостроители свертывают работу. Борьба между международными трестами морских построек становится все более напряженной. И в этой борьбе японские и датские тресты часто оказываются сильнее своих французских конкурентов. Вот именно это и объясняет г-н Фулд из Сен-Назера своим рабочим: «Вы понимаете, японцы и датчане строят дешевле нас, так как заработная плата их рабочих ниже нашей».

Совершенно ясно, что парни из Сен-Назера не попались на эту удочку. И когда однажды г-н Фулд жаловался профсоюзным деятелям на трагическое положение на судостроительных предприятиях, один из них напомнил ему, что пять или семь лет тому назад судостроители отка-

зались принять заказ Советского Союза на постройку торговых судов под тем предлогом, что русские якобы будут перевозить на них «стратегические товары».

Я не знаю, можно ли было увидеть 11 мая в толпе, жадно следившей за спуском «Франции», высокую фигуру моего дядюшки Луи. Моему дядюшке Луи сейчас шестьдесят пять лет. Он проработал на судостроении сорок девять лет. Одаренный, умный и серьезный рабочий стал мастером по резанию металла. Первые листы обшивки корпуса «Нормандии» были вырезаны им. Мало-помалу он приобрел опыт и стал одним из лучших рабочих верфи. Чем старше он становился, тем больше любил он пароходы. Из окон своего маленького дома на бульваре Осеван он смотрел, как они входили в порт, выходящие в море или же ждали прилива. В 1957 году, когда правительство решило строить «Францию», директор судостроительной фирмы решил обшить корпус нового судна. Ему даже была оказана честь начать первую постройку парохода «Франция».

Он был очень озабочен, мой дядюшка Луи, и я до сих пор слышу его слова: «Когда «Франция» будет построена в 1960 году, мне будет шестьдесят пять лет и я уйду на пенсию».

Но в 1958 году многое изменилось на верфях. Г-н Фулд, директор верфи, послал несколько молодых инженеров на практику на датские и японские судостроительные предприятия в Сен-Назере. По возвращении в Сен-Назере они отчитывались перед ним.

Главный инженер несколько раз говорил дядюшке Луи: «В Японии танкеры строят в два раза быстрее, чем у нас. Если мы хотим с ними конкурировать и

снизить наши цены, то мы должны следовать их примеру».

Много раз Луи думал над этой проблемой: «Сохранить время вадое можно только при условии усовершенствования оборудования цехов». Но когда он говорил об этой единственной возможности главному инженеру, тот неизменно отвечал: «Мы заменим дав пресса, но рабочие должны больше работать».

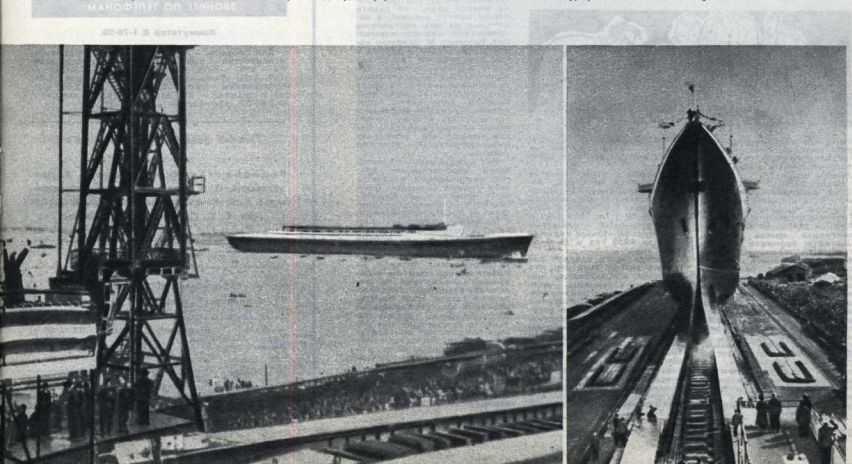
При каждом удобном случае Луи делали замечания: «Вы не умеете руководить рабочими, «Вы слишком добры», «Вы не требовательны и т. д. «Почему, — говорили ему, — вы не забываете из этого рабочего? Он, конечно, квалифицированный, но ему уже шестьдесят лет!»

Луи думал. Он смотрел на рабочих верфи, когда они уходили после работы домой. У всех были усталые лица. Конечно, времени на постройку танкеров уходило меньше, но зарплата рабочих не менялась.

Иногда его охватывало чувство протеста: «Бесчеловечно заставлять людей столько работать!» А иногда он начинал сомневаться: «Я стареешь, Луи, ты отступаешь от жизни...» Он больше не знал, как быть. Он потерял покой. И однажды утром, неожиданно для всех, ушел на пенсию. Никто его не стал удерживать.

...Вот уже много дней, как газеты публикуют снимки «Франции». Может быть, я покажусь слишком сентиментальным, но, любящий внушительным и в то же время изящным корпусом корабля, я не могу не представить себе высокой и немного согбенной фигуры дядюшки Луи.

Матео ПОЛЕТТИ
г. Париж.

КРОССВОРД

Составил Б. Федоров (г. Москва).

6	7	2	3	4	5	8	9
14	15	16	17	18	19	20	21
26	27	28	29	30	31	32	33
40	41	42	43	44	45	46	47
54	55	56	57	58	59	60	61
68	69	70	71	72	73	74	75
84	85	86	87	88	89	90	91
98	99	100	101	102	103	104	105

По горизонтали:

- Ученик и продолжатель работ Н. К. Жуковского по аэродинамике. 9. Старинный университетский город Эстонии. 10. Минерал, применяемый в радиотехнике. 11. Масличное растение. 14. Первый немецкий пролетарий поэт. 15. Газовый воздух в металлургическом печи. 16. Озеро в Варшавской области. 18. Химический процесс, образующий синтетическое вещество. 21. Гидротехническое сооружение, дамба. 24. Уральский город. 25. Сосуд для хранения корпуса судна. 26. Итальянская мелкая монета. 28. Положение шахматной фигуры. 29. Наименование молдавских народных песен. 30. Единица измерения длины.

По вертикали:

- Необходимое движение воспринимаемое слухом. 2. Оценка знаний учащихся. 3. Гуманитарная наука. 4. Неопорная истина. 5. Белорусская фольклорная песня. 6. Садовый снаряд для гимнастических упражнений. 7. Садовая ограда, обсаженная выходящими растениями. 12. Коммунистическая опера «Бойня и мир». 13. Один из художников-маринистов, работавших под псевдонимом П. В. Вальдгейм. 16. Выдающийся английский писатель-сатирик XVIII века. 17. Отношение, одна заметное различие. 18. Действующее лицо пьесы А. Н. Арбузова «Иркутская история». 20. Палаточный лагерь для туристов. 22. Земная поверхность без возвышенностей. 23. Роман О. Д. Форш. 28. Прибор для измерения времени. 27. Река в Тескеловании и Польше.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.

НАЧЕТАННЫХ В № 17

По горизонтали:

- Гагаринов. 8. Дефтерий. 10. Денар. 11. Регага. 12. Петров. 15. Гойя. 17. Премудр. 18. Шадр. 19. «Неподдающиеся». 22. Луиз. 23. Гобелен. 24. Ишим. 27. Гоаляя. 28. Чиринк. 29. Финик. 31. Кайюбия. 32. Спиритер.

По вертикали:

- Халцедон. 2. «Юность». 3. «Овод». 4. Пеон. 5. Эгилет. 6. Циклопа. 9. Аномализм. 13. Предлог. 14. Пшевец. 16. Ясельный. 17. Мурдас. 21. Сибирская. 25. Рязань. 26. Кибрик. 29. Фуэо. 30. Кипр.

На протяжении последних двухсот лет идея, лежащая в основе древней шахматной игры («разумно и ловко одерживать победу»), привлекала внимание не только миллионов любителей шахмат, но и изобретателей, предлагавших различные варианты «новых» шахмат. Изобретатели критиковали привычные шахматы за их «устарелость» и являли излишнее влияние, которое приобрела шахматная теория. Высказывались мнения о необходимости новых, более «актуальных» фигур (например, «паровозов», «самолетов», «ракеты» и т. п.). Мне пришлось видеть на своем веку более двадцати вариантов так называемых «неошахмат», включая «кубинские», «советские», «магические шахматы», «шахматы» и другие.

В нем же основная база большинства изобретателей! И следовательно, все они оказались слабыми шахматистами. Но хуже всего то,

ардой! А ведь партия в среднем длится не 10, а 40 ходов! Миллионы гроссмейстеров мира изучили «шахматные законы», если упорно тренироваться, едва ли на 10—15 процентов. И достигли они этого за 200—300 лет! Вернее, однако, и предельно совершенный изобретатель «неошахмат».

Представим себе «театр», где актеры будут разыгрывать различные драматические эпизоды, движимые не только мастерство речи и выразительности, но и особым, «шахматным» театром. Не будет иметь ничего общего с обычным театром (в обычном смысле слова), так и «новые варианты» шахмат ничего, кроме путаницы, не дадут. Пока живы и неистребимы принятые миллионы людей современными

Коммютер Е 1-70-20.

занимают большую половину (!) иглтон досок. А то, что слон может перепрыгнуть с одного центра на другой, противоречит вменшему исторически сложившемуся принципу шахматных фигур — не нарушать движения по геометрии линиям, за исключением прыжка коня. И уже совершенно нелогичным является усиление связи союзники в процессе игры вслужб консултировались с собой, а не с партнерами и выборе ходов. Даше дети легко сообразят, что это «порочный» вариант и ни к чему, кроме беспорядка, не приводит.

Что касается «шестигранной шахмат», то и здесь нет ничего, кроме усложнения правил движения фигур, так или иначе, не может создать множество. Уже сама «шестигранная доска», с выступающими по краям остальными срезами, которые вызывают недоумение. Ведь для такой «реформы» нужна серьезная мотивировка. На «шестигранной доске» мы видим слваз в обычных шахмат и дополнительные фигуры (по три слона вместо двух), по девять пешек вместо восьми), в некоторые из них поставлены прямо-таки шаворот-нашаворот. Неумей М. М. Шаран хочеть убедиться себя и других в том, что реформы шахмат будут изучать, снажнем, вымученные ни ходи пешкой: «сдвинуть» в центре, а через одну клетку, а то через две! Какое счастье, что слон не правило: «слон и ферзь могут вступать в игру через строю не трогающиса с места пешек, что усиливает неясность (!) развития игры».

Нет нужды занимать читателя перечислением других нововведений изобретателя «новых шахмат». Единственное правило, которое главного — простоты, одно из основных правил шахмат. Попытки отдельных лиц создать разные «объемные», «шестигранные» «прочие «игры» путем прямого заимствования правил, существующих у современных шахмат не имеют ничего общего с серьезными шахматными нововведениями. Шахматы — бессмысленно лгатеи. Надо помнить, что если на современные шахматы нижем не вьят паветы, то это на еще паветы некоторым «изобретателям» присваивать статус авторское право, то это, как по существу, не принадлежит.

Я. РОХЛИН, секретарь Научно-методического комитета шахматной федерации СССР.

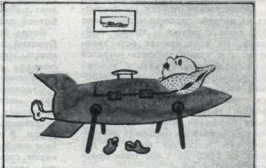

Рисунок Г. Коровкина.

На первой странице обложки: Богдате 4-й Кулиевский автомобильный стант «Мособлтранс» Борис ЧЕРПАСОВ (смотри репортаж «Большая дорога на ст. 22) Фото Л. Леонова.

На четвертой странице обложки: Фотограф В. Тюкеева. «СЕБЯ».

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковский, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммютер Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе: литературы и искусства — доб. 2-15; отделе: публикации и информации — доб. 3-52; междугородной связи — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информации — доб. 2-39; почты — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-85-82; связи и юмора — Е 7-85-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция легки: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дюмаковский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, Е. М. Рабчинский, А. А. Социн, С. С. Спасский, Б. М. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 07390 Подписано и печатно 2010X — 60 г. Тираж 71000 экз. Изд. № 161. Заказ 2399. Формат бумаги 70X108/16. 2,25 б. л. — 6,17 п. л.

Орденя Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Приходи, любовь

Музыка
Леонида Печникова

Слова Эдмунда Иодковского

Очень лирично

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано, а также текст песни. Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано, а также текст песни.

Ветерок метро на Маяковской
бьет в лицо подземной теплотой,
Где-то здесь по улицам московским,
бродит девушка, не встреченная мной.

Каждый день я прохожу здесь снова
и броню весь вечер дождюю,
Верю я: на всем кольце Садовом
нету девушки красивей, чем она!

Видю я ее глаза и косы,
и узор косынки расписной...
Приходи к метро на Маяковской,
приходи, любовь, не встреченная мной!

Город мой уснул в плывце тумана,
туманная завянут, завянут над нами
самым светлым именем — Светлана...
Это имя будет именем твоим!

Цена номера
2 руб.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Георгий Анзимова

**КОНЕЦ
"СЕДОЙ ГОЛОВЫ"**